

У СИНИХ ГОР

Повесть Андрея Иванова

Рисунки А. Ливанова и В. Трофимова

ОГОНЕР АНТИПА

Весна незаметно переходила в лето.

Опустела и затихла школа. Оба учителя уехали в Якутск на какое-то срочное совещание.

Председатель правления обещал послать группу школьников в оленеводческие бригады, а остальных определить в помощь рыбакам. А пока велел отдыхать.

Кеша надеялся попасть к оленеводам. Он любил оленей и часто бывал на пастбищах двух бригад. В одной из них работала его мать.

Уравившись с делами по дому, Кеша вышел на залитую солнцем улицу, надеясь встретить кого-нибудь из ребят.

Колхозный посёлок утопал в зелени. До объединения в колхоз якутские и ламутские семьи жили в тёмных маленьких юртах, разбросанных далеко друг от друга. Коллективная работа заставила их жить вместе. Колхозники выбрали живописное место на берегу большого озера Алыс-Ардах.

В густой тополевой роще были выстроены большие светлые рубленые дома с затейливым якутским орнаментом над окнами. Деревья вырастали только там, где нужны были проезжие дороги, да на маленьких приусадебных участках, разработанных под посев овощей.

Густо пахло тополем. Тихо облетал с вершин на землю тополиный пух.

На улице было пусто. Только старый охотник Антипа, задумавшийся, сидел у своего крыльца.

Огонер¹ Антипа был самым старым человеком в колхозе. Ему минуло восемьдесят лет. Чёрные глаза охотника выцвели от времени и приобрели цвет осенней травы. Волосы у него совсем белые, но густые. В колхозе говорили, что у Антипы за восемьдесят лет с головы не упал ни один волос. Зато бородой старик был беден. Совсем реденькая, она едва прикрывала подбородок.

Дедушку Антипу всё чаще и чаще тянуло погреться под горячим солнцем. Но всё же он был ещё бодр, легко ходил по горам и никогда не жаловался на плохое здоровье. Казалось, болезни старательно обходили этого сильного старика.

Кеша захотелось поговорить с ним. От дедушки узнаешь что-нибудь новое. Вот и отец был похож на старого Антипу. Но отец был грамотный и очень много читал. Антипа знал, что есть люди, которые сеют хлеб, ткут ситец, делают ружья, летают на самолётах. Эти крылатые машины он не раз видел над тайгой. Но он никак не мог поверить, что тайга где-то кончается.

Отец же мог рассказать не только о тайге, но и о степях и пустынях. С каким интересом слушали ребята его рассказы о чёрных людях Африки, о рыбах тёплых морей, о странных птицах, живущих у самого Южного полюса, — пингвинах! Эти птицы летать не умеют, но зато хорошо плавают. Ходят они прямо, как люди. Вот посмотреть бы на таких птиц! Но далеко от Южного полюса до Якутии. Не дойти им, пешим!.. Рас-

¹ Огонер — по-якутски старик, дедушка.

сказывал отец и о больших городах. О многом интересном рассказывал.

Зато никто лучше Антипы не знал тайгу.

— Здравствуйте, дедушка Антипа! — вежливо приветствовал его Кеша.

— Здорово, — тихо сказал старик, не совсем довольный тем, что его оторвали от каких-то важных мыслей.

Такой приём смутил Кешу. Старик всегда встречал его тепло и много рассказывал о тайге.

— Может, вы заболели? — спросил Кеша.

Участливые слова растрогали старика.

— Заболел, Кеша, — сказал он как можно мягче. — Душа болит.

Кеша молча посмотрел на Антипу. Вопросов задавать не полагалось. Старик сам расскажет обо всём. Нужно только уметь слушать.

— Плохое в этом году про нас говорят. С пустыми руками пришли из тайги.

— Разве так уж плохо? — спросил Кеша с тревогой.

— Соседи на Доске почёта. В газете про них написано. А мы даже своих обязательств не выполнили. Ушла белка из нашей тайги в другие места.

— Как ушла? Ведь она там родилась, выросла. Как можно уйти из родных мест?

— Можно. Птицы улетают. Зверь тоже уходит...

И тогда тут Кеша вспомнил, что отец перед уходом на фронт рассказывал ему о том, как иногда убегают звери.

— Ушла белка, — со вздохом сказал Антипа. — Много её развелось, а корма мало. Шишка на ели да на лиственнице не выросла. Орех на стланнике не уродился. Вот и ушла в другие места. А мы не знали.

— А мы не знали, — тихо, со вздохом повторил Кеша, словно он больше всех был виноват в этом.

Старик рассказал Кеше, как охотники тщательно обследовали два самых богатых промысловых участка и добыли там всего несколько десятков белок. Пока выяснили, в чём дело, да пересекли на новые участки, прошло лучшее время промысла, и колхоз не выполнил плана до весеннего запрета охоты.

Пока Антипа говорил, у Кешы появилась беспокойная мысль. Он вспомнил об одном разговоре с отцом.

— Дедушка Антипа, а что если пойти в тайгу летом?

— Что ты будешь там делать? — мягко спросил старик. — Кому нужна летняя белка? Запрещается её бить.

— Не для охоты, — оживился Кеша. — Надо послать в тайгу на лето двух, а может, трёх человек.

— Зачем? Летом для людей другой работы хватит.

— Узнать, где зверь жирует. Где он на зиму останется. Мне отец об этом говорил.

— Вот что!.. Максим был хороший охотник. Старый Антипа задумчиво крутил свою длинную жидкую бороду. Предложение было простое и очень разумное.

ОБСУЖДАЮТ ПЛАН

В просторном и светлом помещении колхоза оказался только один председатель. Он держал в руках фуражку и собирался уходить.

— Ну, с чем пришли? — спросил он.

— О промысле поговорить надо, Иван Антоныч, — сказал Антипа.

Он по-хозяйски прошёл к столу и, как у себя дома, уселся на широкую некрашеную табуретку. Мельком взглянув на председателя, словно приглашая его к столу, старик достал из кармана небольшую фарфоровую трубку и узкую жестяную коробочку с табаком.

Председатель понял, что разговор будет долгим, повесил фуражку на гвоздик и тоже подошёл к столу.

— Неважно у нас нынче вышло с промыслом, — сказал председатель, — неудачный год.

— Да мы не про старое, — сказал Антипа и загадочно посмотрел на Кешу, давая понять, что мальчик тут не случайный посетитель. — Мы про будущий промысел, Иван Антоныч.

Председатель пододвинул свою табуретку ближе к старику. Антипа был польщён.

— Я думаю, что для большой охоты мало иметь твёрдые руки и зоркие глаза охотника.

— Чего же ещё не хватает охотнику? — спросил председатель и потянулся к баночке с табаком.

— Думаю, что большой ум надо.

Председатель оторвал кусочек газеты, помял его в пальцах и начал свёртывать папироску.

— Ум, огонер, в каждом деле нужен, — сказал он, улыбаясь. — Даже тугуту¹, чтобы важеньку нососать, и то ум нужен.

— Не просто про ум, про большой ум говорю, — настойчиво повторил Антипа. — Про смекалку охотничью.

— Твоя мудрость, огонер Антипа, известна всем охотникам. Твоё имя каждый год заносит на республиканскую Доску почёта, — учтиво сказал председатель. — Мы все готовы тебя слушать.

— Умные мысли не всегда приходят только самым старым и мудрым, — самокритично заметил Антипа. — Уол² Кеша думает, как десять старых охотников.

¹ Тугут — оленёнок.

² Уол — мальчик.

Он притянул Кешу за рукав к себе и по-отцовски обнял его. Мальчику стало хорошо от этой стариковской ласки, и он застенчиво улыбнулся.

Кеша не раз замечал, что с того времени, как погиб на фронте отец, все в колхозе стали уделять ему больше внимания. Охотники разговаривали и обращались с ним, как со взрослым, ставили в пример своим детям. Это, в свою очередь, заставляло Кешу быть сдержаннее, аккуратнее и старательнее.

У него ни разу не появлялось горькое чувство сиротства. Он всегда ощущал, что колхоз превратился как бы в его большую семью.

Кеша внимательно следил за каждым своим поступком. Он считал, что сделай он что-нибудь неразумное, это огорчит не только мать, но и председателя правления Ивана Антоновича, и старого Антипу, и многих других колхозников.

А старый Антипа уже не спеша рассказывал председателю правления о плане летней разведки.

— Мы уходим в тайгу, — говорил он, — на те участки, где хорошо промышляли в прошлом году. Приходим, а зверя нет. Он откочевал в другие места. Пока найдёшь, много времени уйдёт. Мы не знаем, что делается на участках летом. Пожалуй, лучше сейчас разведчиков послать. Пусть последят за зверем.

— Да, лучше сейчас послать, — после некоторого раздумья согласился председатель. — Пусть наблюдают. Где больше зверя, туда зимой и пошлём бригады.

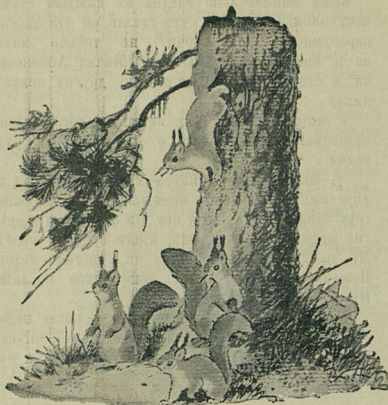
* * *

Вечером Иван Антоныч созвал правление и лучших охотников.

Предложение Антипы и Кешы было принято сразу. Но обсуждение тянулось долго. Говорили о том, кого послать и на какое время, какие уголья обследовать.

Антипа привёл Кешу на высокую террасу соседней сопки.

Четыре бельчонка прекратили возню и с любопытством рассматривали человека.

Наконец решено было послать Антипу и Кешу. Старик хорошо знал все промысловые участки. Умел видеть в тайге то, что многим не удавалось разглядеть. Кеша мог записать всё виденное, чтобы Антипа не позабыл чего-нибудь из своих наблюдений.

Последнее замечание очень рассердило Антипу. Из любви к Кеше он не стал поднимать большого шума. Но всё же сказал с большим достоинством:

— Ладно. Пусть записывает. Только не потому, что Антипа может забыть. Он ещё ничего не забывал. Пусть Кеша для себя записывает. Если со мной что случится, он забыть может. Молодой ещё.

С утра следующего дня началась подготовка к походу. Антипа готовил ружья, набивал патроны, наточил два охотничьих ножа.

ЗЕЛЕНАЯ ПАДЬ

Весна началась ещё так недавно, но уже отцветали ранние цветы, голубые подснежники, жёлтые ветреницы. Кругом буйно поднималась высокая трава. Кеша знал, что трава на севере в тайге растёт быстрее, чем на юге. Весна приходит сюда поздно, но дружно. Сразу устанавливаются очень тёплые дни. Солнце непрерывно светит больше двадцати часов в сутки.

Чем дальше Антипа и Кеша уходили от дома, тем реже попадались травянистые солнечные лу-
жайки. Их сменяли густые заросли леса.

У самой реки, там, где берег не был усеян камнями, теснились ольха и тальники. Местами их гибкие ветки опускались прямо в воду. И казалось, что они ветвями жадно сосут воду, словно

одни корни не в силах напоить эти жадные к влаге деревья.

Дальше опустили к земле свои тёмнозелёные ветви старые ели. Узкой полосой тянутся эти ели вдоль зарослей ольхи и тальника. А за ними на сухих местах, взбираясь всё выше и выше, до самых каменных вершин сопок, разрослись лиственницы.

Ночевали в обширной долине. Спали спокойно, но проснулись рано. Поднявшийся к утру над речкой тонкий парок быстро всплыл вверх, окутал вершины деревьев и вскоре растаял. И тогда во всей красоте открылось лазурное небо. Казалось, что краями оно опирается на крутые, поросшие деревьями горы, а в середине поднялось невообразимо высоким куполом.

Напились чаю. Залили водой костёр.

Антипа повёл Кешу на высокую террасу соседней сопки. Отсюда долина была видна, как на ладони, во всю ширину и на много километров в длину.

Из-за гор поднималось солнце. Яркие лучи, словно прожекторы, осветили вершину противоположной сопки. И Кеша отчётливо увидел не только сплошную зелень лиственниц. В лучах солнца ярко были заметны тонкие, как бы позолоченные стволы деревьев, серые камни между ними. А когда солнечные лучи проникли ещё ниже, Кеша заметил, как засеребрились ранее не видимые густые заросли пихтового леса.

— Зелёная падь, — сказал Антипа, — самое богатое место для охоты. Сколько живу, ни разу не помню, чтобы отсюда зверь ушёл.

— Красивые места, — подтвердил Кеша. — Куда от такой красоты пойдёшь?!

Антипа с удивлением смотрел на мальчика и, раздосадованный тем, что его не поняли, правдоуительно заметил:

— Зверь твоей красоты не понимает. Ему прежде всего корм нужен.

Кеша, как мог, постарался загладить свой промах:

— Видно, им всегда здесь хватает корма?

— Зелёная падь — богатое место, — повторил смягчившийся Антипа. — Здесь всегда хватает корма, особенно для белки.

— А почему в других местах не хватает?

— В других местах одно дерево растёт: сосна, или ель, или лиственница. Белки их семенами питаются. А иная порода деревьев не каждый год семена родит. Часто через три, а то и четыре года. Отдых дереву нужен. Вот когда нет семян, зверь и бедствует. А здесь разные деревья. И семена они в разные годы приносят. Нет на ели семян — звери лиственничными питаются. На другой год сосновыми или пихтовыми. А нужна подосеет — берёзовые почки едят. Так вот и обходятся на одном месте.

ЛОСЬ-МУЗЫКАНТ

Антипа решил сразу же заняться наблюдениями. Кеша он приказал пойти вниз по долине до дальних осинников.

— Гляди внимательно на каждое дерево: где больше шишек, на ели или лиственнице. Если половина веток с шишками, — это хорошо. Если на каждой высокой ветке шишка, — еще лучше, — напутствовал он Кешу. — На белку смотри. Если с белкой два маленьких бельчонка, — это мало. Если пять — шесть, — это хорошо.

Кеша крепче перевязал ремешки ичигов. Поправил на поясе якутский нож и, закинув за плечо ружьё, пошёл выполнять задание старого охотника.

Солнце поднялось уже высоко и ярко освещало всю тайгу. Было тепло и тихо. Пахло сырým мхом и чуть разогретой смолой.

Кеша шёл медленно, внимательно осматривая деревья до самых вершин.

Вначале он не замечал ничего интересного.

Но вдруг Кеша увидел на ярко освещённом стводе дерева маленьких бельчат. Они сбегали на землю, а потом, стуча по дереву коготками, шумно поднимались вверх.

Кеша подошёл ближе. Четыре бельчонка прекратили возню и, вытянувшись, с любопытством рассматривали человека.

Кеша шагнул к самому дереву. Но и это не смутило зверят. По коре застучали коготки. Откуда-то сверху спустился пятый бельчонок и,

смешно трихнув кисточками ушей, тоже стал рассматривать мальчика.

«Пять штук в одном выводке — это хорошо», — вспомнил Кеша слова Антипы.

— А вы не бойтесь, — сказал он, обращаясь к бельчатам, словно они и в самом деле могли его понять. — Видите, я даже без собаки. Растите себе.

Наверху в густых ветвах дерева послышался беспокойный и громкий цокот: услышав голос человека, сердито звала к себе детей старая белка. Бельчата отозвались весёлым цокотом, но не сдвинулись с места, так велико было их любопытство.

День был богат наблюдениями. Кроме нескольких семей белок, Кеша видел целую дюжину маленьких коричнево-рыжеватых с чёрным кончиком хвоста детёнышей горностая. Зимой они оденутся в красивые белые шубки и будут ценной добычей для охотника.

В другом месте Кеша набрёл в камнях на выводок маленьких лисят. Вначале они с хриплым лаем кинулись к нему навстречу, потом шаркнулись обратно и скрылись в норе.

Хвойные деревья всё чаще и чаще расступались, давая место берёзам, осинам. Появились отдельные тополи.

Издали донёсся протяжный скрип дерева и вслед за ним долгий вибрирующий звук, словно кто-то осторожно трогал толстую струну.

Кеша, поправив ружьё, пошёл на загадочный звук. В лиственных зарослях, хотя деревья здесь стояли так же густо, было светлее, листья не на-

Кеша видел целую дюжину детёнышей горностая.

висали, как хвойные ветви, плотной кровлей. Каждый лист осины, берёзы и тополя жил самостоятельно. Он трепетал, как бы купаясь в лучах солнца, и солнечные лучи шедрыми потоками проникали сквозь листву к корням, обогревали землю.

Навстречу лучам с земли поднимались травы, жёсткие, с мелкими листочками стебли голубицы, незатейливые лесные цветы.

В провете между деревьями Кеша ещё издали увидел большую поляну. Почти в центре её, словно обнявшись, росли осина и ель. Осина была высокая и гибкая. Видно, она из года в год торопливо тянулась вверх, чтобы тёмная крона ели не отняла у её листьев света.

С горной седловины навстречу Кеше тянуло лёгким ветром. Осина тихо покачивалась. Она-то и скрипела. Это Кеша понял сразу.

Но откуда этот тонкий дрожащий звук?

Кеша решил подойти к дереву поближе. И вдруг он увидел, как напротив раздвинулись кусты и на поляну бесшумно выдвинулся чубарый лось. Тяжёлые тёмные рога качнулись вправо, влево и застыли.

Дерево продолжало звенеть. Всякий раз, услышав этот звук, лось поднимал горбоносую морду и тихо фыркал, как бы выражая своё удовольствие.

Но ветер, видимо, стихал. Дерево звучало всё слабее и, наконец, совсем затихло.

Не дождавшись больше знакомого звука, зверь внимательно оглядел поляну и, качнув рогами, двинулся к деревьям. Он шёл тихо, высоко поднимая колени и осторожно опуская на землю свои острые, раздвоенные, как у коровы, копыта.

Подойдя к деревьям, он почесал шею, потом осторожно толкнул рогами осину. Раздался знакомый скрип и тихое звучание толстой струны.

Лось прислушался. Потом качнул дерево ещё и ещё раз.

Как только ему удавалось вызвать скрип, он встряхивал горбатой холкой, громко фыркал.

Кеша долго стоял за деревом. Он уже успел разглядеть, что звенела, как струна, сухая ветка ели. Когда осина отходила обратно, распрямившаяся ветка издавала звенящий звук.

А лось всё стоял и качал могучими рогами гибкую осину.

«Ишь, рогатый музыкант» — подумал Кеша и, не замеченный зверем, молча скрылся в тайге.

ОШИБКА

Кеша первым пришёл к шалашу. Он набрал сухих дров, развёл костёр. Взял большой медный чайник, принёс воды и поставил кипятить чай.

Бесшумно, словно вырос из-под земли, появился Антипа. Он был весел, подвижен, будто помолодел.

Лось осторожно толкнул дерево рогами.

— Богата нынче тайга. Добрый промысел будет, — сказал он, довольно потирая руки. — Ну, а у тебя как?

— Ух, полно зверят! — У Кеши радостно заблестели глаза. — Семь выводков белок видел! И каждый по пять — шесть бельчат.

Он взволнованно рассказал о смелых бельчатах и о том, кого он подсмотрел на широкой поляне у певучего дерева.

— Лось-музыкант! — удивился старик. — Прямо чудо!..

Даже ему, прославленному, много выдававшему на своём веку охотнику, не удавалось встретить ничего подобного.

Чай пили молча. Наступал вечер. Солнце снова ушло за горы и только бледно золотило на небе редкие дорожки слоистых облаков.

Назойливо зазвенел первый комар.

— Вот досада, — отмахнулся от него старик, — дня через три этой пакости полно будет. Без сетки от костра не отойдешь. — И как бы стараясь подбодрить Кешу, добавил: — А ты не робей. Для ночёвок будем выбирать места в горах, выше. Там комара меньше.

Выкурив после чая трубку, Антипа снова стал спрашивать Кешу о том, что он видел в тайге. Увлёкшись, Кеша повторил всё сказанное, только с большими подробностями.

— А как со звериным кормом? Шишки, грибы видел?

Кеша растерянно заморгал глазами. Нет, это

го он не видел. Самого главного, ради чего они пришли в тайгу, он не узнал. Выходит, обманул людей. Не дело делать, а любоваться тайгой пришёл.

Старик рассердился, но искреннее смущение мальчика тронуло его.

— Ладно, не печалься. Время не ушло. Завтра всё сделаешь, — успокоил он Кешу и приказал готовиться спать.

Уставший за день Кеша спал крепко. Когда он проснулся, было уже яркое утро. В тайге стоял весёлый птичий гомон, бойко звенели разноцветные насекомые.

Антипы ни в шалаше, ни вблизи не было видно. Не отозвался он и на голос Кешы. Костёр не горел. На углях лежал седой холодный пепел. Видимо, старик ушёл давно, не зажигая костра.

Кеша вспомнил вчерашний разговор и решил исправить свою ошибку. Он взял ружьё и двинулся по тому же пути, что и накануне. На этот раз он внимательно осматривал каждое дерево от нижних веток до самой вершины.

— Кеша, тохто! — раздался знакомый голос.

Продираясь сквозь густые ветви, вышел Антипа.

— Ты куда?

— Беличий корм глядеть.

— Не надо. Я уже посмотрел. Всё есть... Хватит корма, если даже из других мест зверь придёт.

ЛЕСНАЯ КОШКА

На обследование Зелёной пади потратили ещё три дня. За это время охотники-разведчики побывали во всей долине и на крутых склонах сопки.

Однажды тихая жизнь их была нарушена.

Возвратившись к обеду, охотники сидели у костра и делились впечатлениями. Вдруг в тайге раздался отдалённый топот, треск кустов. Вначале казалось, что это покатылись с гор камни. Но топот и треск быстро нарастали, надвигались ближе.

Охотники схватили ружья и отошли под защиту стоящих неподалёку трёх старых лиственниц.

Топот и треск раздавались уже совсем близко. Но теперь к ним примешивалось громкое прерывистое хрипение.

И вот из тайги вылетел огромный рогатый лось. Ничего не видя обезумевшими глазами, он нёсся прямо на шалаш. Однако, не добежав немного, лось круто остановился. Крепкие передние ноги, с силой упершиеся в землю, скользнули далеко вперёд, лось судорожно мотал головой, трясся всем телом. Он весь был забрызган грязью. Изю рта на землю падали хлопья окровавленной пены.

Кеша заметил на шее испуганного животного какой-то жёлтый комут.

В это время раздался выстрел. Лось вздыбился. Казалось, что он смертельно ранен, но не хочет падать. Упасть — значит умереть.

Лось взвился на дыбы ещё и ещё раз, и с шен его упал и мягко шлёпнулся о землю жёлтый комут. Лось, почувствовав свободу, собрал силы и рванулся вперёд. Он пронёсся так близко от шалаша, что кровля вздернулась от ветра.

Охотники бегом бросились к месту, где лось сбросил свою странную ношу. На земле, судорожно сжимая и разжимая челюсти, лежала большая рысь. Ещё не потухшие зелёные глаза её светились злым огнём. Похожие на бакенбарды седые пучки волос на щеках были в крови, длинные кисточки над ушами тихо вздрагивали.

Рысь была старая, огромная. Видно, хищница подстерегала рогача на излюбленной тропе, по которой тот ходил кормиться в осинники или к водоёму. Там она прыгнула на него с дерева, впилась в шею и, конечно, загнала бы его до смерти, если б не выстрел Антипы.

— Пропадёт теперь сохатый. Изранила она его, — высказал свои опасения Кеша. — Комары не дадут зажить ранам.

— Уцелееет, — успокоил его Антипа. — Сохатый пошёл вверх, к перевалу. Там холодно, комаров нет.

Только теперь Кеша рассказал, что два дня тому назад он услышал в тайге мяуканье кошки и долго шёл на этот голос. Но кошка уходила всё дальше и дальше, так ему и не удалось её увидеть. Мальчик и не подумал тогда, что это могла быть рысь.

Рассказ Кешы встревожил старика.

— Хорошо, что ты не пошёл дальше.

Кеша стало холодно. Он знал повадки рыси. Она укрывается в густых ветвях деревьев и оттуда бросается на свою жертву. Голодная или раненая рысь не боится нападать даже на человека.

— Ну, хорошо, что всё обошлось благополучно, — облегчённо сказал Антипа.

Весь остаток дня он был особенно оживлён, часто улыбался.

Кеша понял, что радуется он не только тому, что избавил лося от смертельной опасности. Больше всего, конечно, радовала старого Антипу ещё неутраченная зоркость его глаз и верность рук. Осенью об этом узнают в колхозе. Удачный выстрел вернёт и снова надолго закрепит былую охотничью славу Антипы.

И У СТАРОСТИ ЕСТЬ РАДОСТЬ

С раннего утра небо заволоклось серыми тучами. Набухая влагой, тучи тяжелели, опускались ниже и наконец прорвались и полились на землю частым дождём.

Дождь постепенно усиливался. Он по-хозяйски шумел в ветках деревьев, мягко барабанил по крыше шалаша, по траве.

Рядом с шалашом, тесно сомкнувшись кронами, стояли три густых лиственницы. Но и под ними круг сухой земли становился всё меньше.

Антипа осторожно выглянул из шалаша, внимательно взгляделся в мутное от дождя небо и, безнадежно махнув рукой, снова скрылся в шалаше. Идти в тайгу нечего было и думать.

У входа в шалаш охотники развели маленький костёр из неприкосновенного запаса дров, который они всегда держали в шалаше на случай дождливого дня. Дрова были сухие. Костёр не дымил и выгонял из шалаша сырость.

Охотники молча лежали головами к выходу. Каждый погружился в свои думы. Думали они почти об одном и том же, хотя по-разному.

Кеша думал о том, что вот пройдёт дождь, выглянет солнце и всё вокруг станет хорошо. Омываемая дождём и облакканная солнцем тайга станет ещё красивее. В вершинах деревьев весело зазвонят птицы. Им на все голоса ответят те, что живут этажом ниже, в кустах и зелёной траве; повсюду запишат и завоют разные мелкие звери, запахнет, взбираясь на гору, осторожный медведь, огласит трубным звуком долину лось. И всё это увидит, услышит Кеша.

«Как хорошо быть молодым, зорким и сильным!— думал мальчик, радуясь своей молодости.— А вот дедушке Антипе, наверно, обидно, что он старый. Ведь он уже не может, как молодой охотник, долго гнаться за зверем. Нет, плохо быть старым».

Со свойственной ему прямоотой, но так, чтобы не обидеть старика, Кеша поделился своими мыслями с Антипой.

— И я как раз об этом сейчас думал,— и старый охотник лукаво посмотрел на мальчика.— У старости тоже радостей много.

Удивлённое лицо Кешы рассмешило старика.

— Ты думаешь, неправда? Не веришь? Это у тебя от молодости. Мало ты знаешь.

Чтобы скрыть смущение, Кеша принялся подкладывать сухие ветки в огонь.

Дождявшись, когда он кончит возню с костром, Антипа продолжал начатый разговор:

— Старость богаче всех радостей. Старый человек радуется тому, что он много знает и много сделал. Но это только половина радости старого человека. Больше всего он радуется тому, что учит других, делает их в любом деле умельцами. А это, брат, очень приятно, когда твой ум другим жить помогает.

И Антипа радостно улыбнулся.

— Да-а,— вдруг, задумавшись, проговорил он.— И радость эту нам Сталин дал, советская власть... А раньше она, радость-то, редкой гостьей у людей была. В голоде и холоде приходилось век дожидать.

«Старому Антипе действительно есть чему радоваться,— подумал Кеша.— Многих учил и учит старый охотник. В колхозе без его совета ни одного дела не начинают. Значит, в нашей стране и молодому и старому одинаково радостно жить».

СКАЗКИ СТАРОГО АНТИПЫ

Дождь не переставал. Отяжелевшие густые ветви лиственниц опускались ниже. По ним стекали целые потоки воды.

Против входа в шалаш лежала принесённая вчера для дров сухая вершина ели. Кора на ней давно потрескалась и опала. Только в одном месте ленточка коры, свернувшаяся корытцем, ещё плотно держалась одним концом за дерево.

Дождь старательно наполнял это корытце водой. Когда вода доходила до самых краёв, кора медленно склонялась, и вода, шурша, сбегала на землю. Кора облегчённо разгибалась. Дождь снова наполнял её до самого края. И она опять сгибалась и вылиwała воду.

Кеша долго, с интересом наблюдал за работой дождя.

Вот полоска коры, уже наполненная до края, готова согнуться. В это время сверху одна за другой

Кеша заметил на шее испуганного животного какой-то жёлтый хомут. В это время раздался выстрел...

ударили три крупные капли. Только три капли. Но что они наделали? Кора резко вздрогнула, круто согнулась, вылила воду и больше не поднялась.

Кеша повернулся к тихо покуривавшему старому охотнику.

— Дедушка Антипа, расскажите сказку, — попросил Кеша.

Старый Антипа был прославленным сказочником. Рассказывал он всегда с большим удовольствием, не заставляя просить себя дважды.

— Хорошо! Я расскажу тебе сказку о том, почему медведи бесхвостыми стали.

Он пыхнул синим дымком трубки и начал:

— Снег в ту зиму был глубокий. Потом морозы пошли такие, что слёзы в глазах замерзали. Очень лютые морозы были. Трудно стало зверушкам в тайге кормиться. Которые под снегом, тем ничего. Хоть и мало поедят, зато тепло. А тем, что по тайге бродят, очень худо было.

Особенно горько пришлось лисе. Совсем нечего есть. Мыши глубоко под снегом, а лозу глотать, как зайцы, она не привыкла.

Идёт голодная и мороз со снегом ругает. А морозу что от лисей ругани? Рассердился да пуше жмёт. Одно спасение для лисы — на бегу греться. Бежит изо всей мочи. Только рыжий хвост меж кустами мелькает.

Издали слышала лиса: где-то нарты скрипят. Подбежала ближе, глянула сквозь кусты — дорога впереди. По дороге эвен едет. Едет эвен и мороза не боится. На передней нарте сидит и песни поёт. На второй везёт что-то.

«Сытый, наверно, эвен, — подумала лиса. — Потому и мороз не страшен. С голоду не запысь».

Подбежала ближе, понюхала. Ясно — рыбу везёт эвен.

Позавидовала лиса эвену: что ему снег да мороз! Он даже подо льдом рыбу ловить умеет.

«Вот рыбки бы покушать, — думает. — Да ведь страшно. Эвен — меткий охотник: попадись на глаза — убьёт».

И решила она перехитрить эвена. Забежала вперёд, легла на дорогу, ноги вытянула — совсем мёртвая.

Подъехал эвен, удивился: прямо на дороге от мороза лиса погибла. Вот добрая находка!

Некогда было эвену лисцу на морозе разглядывать. Отнёс на задние нарты и уложил рядом с рыбой. Сел на передние нарты и поехал. Едет, песни поёт:

про рыбу, что зимой наловил, про богатую находку. Поёт, ничего не видит, ничего не слышит.

А лисе этого только и надо. Поднялась на ноги и давай хозяйничать. Разодрала кожаный мешок и рыбу на дорогу бросает. Когда всё выбросила, сама спрыгнула.

Населась рыжая, а остальное собрала и в тайгу спрятала. На всю зиму запас сделала.

Только лиса последние две рыбы унести хотела, как из тайги медведь на дорогу вышел. Медленно идёт, чуть плетётся, след хвостом заметает.

— Холодно, лисонька, голодно.

— Нет, мне ничего, — говорит лиса. — Вот поешь рыбки и тебе лучше станет. Я щедрая, мне не жалко.

А дала-то она рыбу не от щедрости. Знала: всё равно голодный медведь отымет.

Съел медведь две рыбы и не наелся. Только хуже голодный желудок занял.

— Мало мне, — говорит медведь. — Ещё дай.

— Нет у меня больше, — солгала лиса. — Попробуй сам налови.

Медведь летом умеет ловить рыбу, а зимой не приходить.

— Ой, как же это? Научи, лисонька. Век не забуду.

— Я не жадная. Научу, пожалуй, — согласилась лиса. — Пойдём...

Пошли они к реке и нашли прорубь, в которой эвен ловил рыбу.

— Вот здесь я и ловлю, — сказала лиса. —

Видишь, ещё прорубь не замёрзла. Садись на край, опускай хвост в прорубь.

— А почему твоих следов здесь не видно? — спросил медведь.

— Я их хвостом заметала.

— А почему здесь следы человека, да ещё свежие?

— Это эвен недавно поучиться приходил.

Поверил медведь, сел на край проруби, опустил хвост в воду и ждёт. Где ему, голодному, было разгадать лисью хитрость.

А лиса смотрит, радуется, что медведя перехитрила, и про себя говорит:

— Красивый хвост дураку достался, красивый хвост дураку достался.

Она давно завидовала медведю. Ей хотелось, чтобы самый красивый хвост был у неё.

— Ты что это говоришь, лисонька? — забеспокоился медведь.

— Темно рыбе подо льдом. Тоскует о солнышке она. Вот я и говорю: «Ловись, рыбка, солнышко покажу! Ловись, рыбка, солнышко покажу!» Ты сиди смиренно. Не спеши.

Сидит медведь, ждёт, когда побольше рыбы на хвост нацепится.

Ждал, ждал, попробовал потянуть. Не тянется.

— Не спеши, — уговаривает лиса. — Ты, Миша, здоровый, ты и больше вытянешь. Пусть рыбка берётся.

Долго сидел медведь, замерзать стал. Тёплая у медведя шуба, а и та не спасает. Говорят, таких морозов, как наши, во всём мире нет.

Попробовал встать, а хвост из проруби не вытаски. Обрадовался медведь: «Вот хороший улов! На много дней хватит. До чего просто глупую рыбу ловить. Теперь всех медведей научу».

Повернулся, глянул на прорубь и глазами своим не верит: замёрзла прорубь, и хвост мишкин в ней остался.

Поняла тогда медведь: обманула его лиса.

А она расхохоталась ему в глаза, да и скрылась в лесу, думала, что медведь замёрзнет у проруби.

Худо пришлось медведю, испугался, что совсем здесь останется, собрал последние силы, рванулся ещё раз, да и оторвал хвост. Заревел не своим голосом от боли и обиды да скорей в лес.

Забился медведь под старую, вывороченную с корнем ель, прикрылся валежником и лежал до самой весны.

С тех пор у всех медведей и нет хвоста. И зимой они больше не бродят. С осени до весеннего тепла в берлогу ложатся.

Вывод, какой сделал из сказки Антипа, не убедил Кешу.

— Как же так, хвост оторвал один медведь, а все потом бесхвостыми стали?

Старик хитро прищурил и без того хитрые глаза:

— Лиха беда — начало. Решили после этого медведи, что опасное дело — большой хвост иметь. И приказали они медведицам в берлоге, как медвежата появятся, хвосты им отгрызать.

— И сейчас отгрызают? — спросил Кеша.

— Кто их знает! — уклончиво ответил старик. — Может, и сейчас отгрызают. Может, теперь уж такая порода пошла — бесхвостая.

Он не спеша потянулся к костру, достал уголёк и раскуривал потихоньку трубку.

Дождь ещё шёл, но уже мелкий и редкий. Пройдёт несколько часов, и стряхнут с себя влагу деревья, обожгут травы. Почти не останется следов дождя и на земле: вода в горах долго не задерживается, быстро скатывается по склонам в ручьи и реки...

— Про лисью хитрость с рыбой и в книге написано, — сказал Кеша.

— А как же... Про это обязательно писать надо, — спокойно заметил Антипа. — Пусть все учатся не верить хитрым. Беда от них одна.

— Только там не про медведя, а про волка сказано.

— Про волка?

От удивления Антипа вынул изо рта трубку.

— Как же это в книге ошибку дали? — забеспокоился он. — Почему же там про волка?

Он не умел читать, но огорчился, если сказанное в книге расходилось с его понятиями.

— Скажи учителю, что ошибка тут. У волка и хвост цел, и зимой он от мороза не прячется.

Кеша привык верить книге. Но рассказ Антипы подтверждался и внешностью медведя и его зимней спячкой. Поэтому мальчик всерьёз принял совет Антипы поговорить с учителем. Пусть напишет в Москву, чтобы исправили книгу.

У старого Антипы для всего находилось убедительное объяснение. Сказки его не просто красивые, они всегда связаны с действительностью, с повадками и жизнью зверей.

Издавна Кешу занимал заяц, робкий, бесхвостый зверь.

— А вот заяц тоже без хвоста. — Кеша старался говорить по-взрослому, равнодушно, словно это не такое уж интересное для него дело и начал он об этом только для того, чтобы поддержать разговор.

Но старый охотник понял его:

— Про зайца хочешь знать?

— Да, да, — забыв о своём данном равнодушии, затормозил Кеша. — Почему заяц такой робкий? Почему он зимой в тепло не прячется?

— С зайцем это позже, чем с медведем случилось, — уверенно начал свой рассказ Антипа. — Его дом таким сделал.

— Какой дом? — живо спросил Кеша.

— А ты не перебивай. Умей слушать.

Старый охотник не любил нетерпеливых слушателей, они мешали ему сосредоточиться. Рассказывал же он громко, плавно, словно пел песню.

— Заяц когда-то в тайге в почёте был. Его считали самым аккуратным зверем. От него никогда не пахло ни гнилым мясом, ни муравейником. Шубка на нём всегда чистая.

Но больше всего любили зайца за его старательность. Мал заяц, а работать умел за большого. Домики себе строил такие, что все звери любоваться ходили.

Как-то упало разбитое бурей дерево и раздавило зайчий домик. Все звери исполнились:

— Ах, беда, ах, горе какое! Пропал зайчий домик. Как заяц жить будет?

А зайцу и горя мало.

— Не в поле живём,— говорит.— В тайге легко новый дом построить.

— Да, построить, конечно, есть из чего. А работы сколько!

Рассердился заяц и говорит:

— Только лентяи да незнайки работы страдают. А в умелых руках любое дело спорится. Я даже рад, что работа нашлась. Скучно без неё.

И принялся строить домик.

Выйдут звери утром посмотреть, выйдут вечером — растёт зайчий домик. Вот и строила поставил уже.

Заспорили звери о том, чем заяц покроет крышу.

— В прошлый раз была сосновыми ветками покрыта. И на этот раз так будет,— сказала куница.

— Травой надо крыть, плотней будет,— сказал бурундук.— И зимой, если снег большой, траву с крыши есть можно.

— А что ты про зиму знаешь? — засмеялась белка.— Ты ведь спишь всю зиму. Давай лучше у самого зайца спросим.

Вслушал их заяц и говорит:

— Не буду я травой крышу крыть. Снесёт её ветер зимой. Не буду и сосновыми ветками крыть больше. Что было хорошо вчера, то плохо сегодня.

Надрал заяц тальниковой коры и покрыл ею крышу. Красивая и плотная крыша вышла.

В окна слюды с гор натаскал. Дверь тяжёлую сбил, на ремённых петлях повесил. Сидит, любитесь домом, что своими руками сделал.

Стал выходить, чтобы зверей на новоселье позвать. Шагнул через порог, а дверь была тяжёлая, сама за ним и захлопнулась. Захлопнулась да прижала зайчий хвост.

Не понял заяц, что с ним случилось. С испуга думал, что в его доме кто-то поселился и за хвост его схватил.

Рванулся раз, другой, третий, да и оторвал хвост. И больно и страшно. Убежал заяц от дома.

Звери зайца жалуют.

— Иди ко мне в нору жить,— говорит барсук.

— Нет, темно и душно у тебя в норе, а я свет и чистый воздух люблю,— говорит заяц.

— Иди ко мне в дупло жить,— зовёт белка.

— Спасибо за ласку, а только тесно у тебя там, а я простор люблю,— ответил заяц.

— Так где же ты будешь жить?

— В тайге буду жить. В тайге хорошо. Далеко кругом видно. Всегда от беды заранее уйти можно,— ответил заяц.

— Холодно тебе зимой, заяц, будет.

— Ничего! Я не ленивый. Побегаю — и согрюсь.

— А что есть станешь? Зимой снег глубокий.

— Буду у осин да у тальника кору глотать. Она и зимой зелёная.

Так и остался с тех пор заяц жить в тайге. Дом не строит. Живёт на просторе, с оглядкой...

* * *

Дождь перестал. Только мокрая хвоя лиственницы ещё роняла мелкие капли. Выглянуло солнце. Весёлый луч заиграл на мокрой хвое, на листьях мелких кустов. Один луч нашёл недалеко от костра маленький цветок на тонком зелёном стебельке. Прибитый дождём цветок вздрогнул, приподнялся, открыл навстречу лучу синий лепесток.

«Хитрый цветок,— подумал Кеша.— Разведчика вынудил. А остальные лепестки ещё зелёными чешуйками закрыты».

Но мысли снова увели его к сказке о напуганном зайце.

— Смешной заяц, умел дом строить, умный был, а теперь самый робкий стал.

— Непонятного испугался,— спокойно ответил старик и выколотил о ноготь большого пальца левой руки давно прогоревшую трубку.— Один раз струсил, потом мышинного писка бояться станешь.

Спрятав в карман трубку, Антипа разъяснил:

— Я давно на свете живу. И понял я, что нет ничего страшного. Есть только непонятное и трудное. Непонятное — понять, трудное одолеть надо. Руками или умом — всё равно.

Кеша ещё с большим уважением посмотрел на Антипу.

«Непонятное — понять, трудное одолеть надо, тогда не будешь бояться»,— мысленно повторил он.

Он снова отыскал глазами знакомый цветок. Зелёные чешуйки открылись все до единой. Выпрямились все лепестки, и солнце до краёв наполнило теплом их синюю чашечку.

(Окончание в следующем номере)

Самое главное

Рассказ Андрея Шманкевича

Рисунки Ф. Лемкуля

Дело у Васи было несложное: ему надо было, стоя на носу лодки-гольдячки, перебирать руками проволоку и гнать лодчонку вдоль перемёта. Остальное Костик делал сам: снимал рыбу, наживлял крючки и командовал:

- Полный вперёд!
- Средний!
- Шары до места!

Что такое «полный вперёд» или «средний», Васе было понятно, и он добросовестно выполнял все команды, но что значило «шары до места», он не знал. Решив почему-то, что это значит самый полный ход, Вася рванул лодку вперёд и немедленно получил от Костики строгий выговор:

— Так, морячок! Можешь считать, что в нашей лодке одним сазаном меньше... Что ты дёргаешь? Ясно ведь было сказано: «Шары до места». Это же самый малый ход...

— Почему прямо не сказать: «Самый малый»? Так, однако, и проще и понятней, — попробовал возразить Вася.

— Так, однако, проще... — передразнил Костик. — По-твоему, чтобы отдать якорь, капитан должен вызвать на мостик боцмана: «Дорогой товарищ боцман! Очень прошу вас, откройте, пожалуйста, винтель и дайте якорю возможность опуститься на дно...» Да пока он так объясняет, судно или на берег выскочит или причал разнесёт в щепки... Нет, брат! На судне все команды точные и короткие. И

кто не знает их, тому на море делать нечего... Ясно?

— Ясно... — ответил Вася, хотя так и не понял, почему Костик считает, что «шары до места» короче, чем «самый малый». И вообще ничего ясного для него в морском деле ещё не было. Вернее, ясно было одно, что, вероятно, ему придётся ещё на некоторое время отложить мечту о морской службе и возвращаться в родной посёлок, где о море знают только по книгам, рассказам да песням.

Перемёт был метров на триста длиной, поводков с крючками на нём было не меньше двухсот, так что, пока Вася гнал лодку туда и обратно, на ладонях у него вздулись водянки.

— Да ты ещё и неженка, оказываетесь! — фыркнул Костик. — За один рейс водянки нажил... А на корабле, брат, целый день приходится канаты таскать...

— Привыкну... — сказал Вася, опуская руки в воду.

На это Костик ничего не сказал и только с сомнением пожал плечами.

Они вытащили лодку носом на берег и растянулись на горячем песке.

— Ладно! — примирительно сказал Костик. — В следующий рейс я сам погоню лодку, а ты будешь снимать и наживлять. Сумеешь?

— Попробую... — сказал Вася.

Подперев щёки кулаками, он смотрел на реку. До сих пор он считал свою родную Берёзовку настоящей рекой, но теперь ему было ясно, что по сравнению с Амуром это просто маленький ручеёк. На воду было больно смотреть. Она блестела под солнцем так ярко, точно не вода

это текла в Амуре, а расплавленное серебро. За Амуром тянулись до самого горизонта заливные луга, сплошь изрезанные протоками и озёрами. Они тоже блестяли под солнцем, как серебряные кружева. На самом горизонте, чуть заметные на фоне блеклого неба, виднелись белёсые сопки. Где-то за этими сопками был васин посёлок, откуда он приехал несколько дней назад по вызову Костики.

Познакомились ребята давно. И отец Костики и васин отец были военными моряками, вместе ушли они с Амура на западный фронт, и оба не вернулись домой. Семья погибших моряков продолжали дружить, хотя теперь и редко виделись. Семья Костики переехала в Хабаровск. Вася с матерью жил в посёлке у бабушки. Туда к ним каждое лето приезжал гостить Костик. Там и зародилась у мальчиков мечта поступить во флот. В это лето, едва Костик уехал домой, как Вася получил от него письмо. Костик писал, что один знакомый ему мальчик был принят на флотилии в юнги и что не мешало бы им попытаться счастья. Вася получил мамино разрешение, собрался и прикатил в Хабаровск.

И вот теперь чем внимательнее присматривался Вася к своему другу, тем больше сомнений закрадывалось в его душу. Оказалось, что Костик знает решительно всё, что касается морской службы, а он, Вася, ничего этого не знал. В любом разговоре Костик употреблял столько морских слов, что порой Вася просто его не понимал. «На корабле я дурак-дураком буду,— думал Вася.— Заставят делать одно, а я другое буду делать... Нет, не тягаться мне с Костиком! Никуда меня не примут...»

Друзья все дни проводили на берегу. Но причиной тому была не рыбная ловля и не купание,— они ждали прихода кораблей Амурской флотилии. Корабли уже несколько суток были в походе где-то в верховьях Амура.

Мальчики мирно лежали на песке. Вдруг Костик вскочил и закричал:

— Полундра! Все наверх!

Вася тоже вскочил и посмотрел вверх по реке. На далёком плёсе, почти у самого горизонта, он увидел несколько точек, вернее, целую цепочку точек.

— Идут кильватерным строем,— пояснил Костик.— Один в след другому... Сматывая удочки! Полный вперёд!

Пока они снимали крючки с перемёта, корабли полным ходом прошли мимо их лодки. У Васи чуть сердце не остановилось: он первый раз в жизни видел боевые корабли!

— Впереди мониторы, за ними канонерские лодки,— объяснил Костик.— Это они ещё не полным ходом идут. Когда полным, так они, как птицы, летят!

На переднем мониторе подняли целую гроздь разноцветных флагов. Через минуту флагами разукрасились все остальные корабли.

— Праздник какой, что ли? — спросил Вася.

— Не праздник, а сигнализация... С флагмана командир даёт приказание сигналами, а на всех кораблях их повторяют... Ну, поднимают такие же флаги. «Поняли», значит.

Корабли подняли такие волны, что голядячка ребят чуть-чуть не перевернулась, но они не обратили на это никакого внимания.

Идти до базы флотилии было не близко. Но Костик решил, что тратить деньги на автобус — непозволительная роскошь.

— Дойдём своим ходом,— заявил он.— А по дороге я ещё тебя подучу, как надо с командирами разговаривать.

Учение было нелёгким.

— Вот я командир корабля... У меня на погоне два чёрных просвета и две звёздочки, а на рукаве четыре средних нашивки. Как ты ко мне обратишься? — ставил Костик задачу и становился в соответствующую позу.

Вася старательно вышагивал по асфальту, останавливался за три шага перед «командиром», щёлкал каблуками и подносил руку к голове.

— Товарищ капитан... разрешите обратиться? — выкрикивал он натужным голосом.

— Отставить! — повелительно командовал Костик.

— Почему?

— Потому, что потому кончается на «у»... Капитан... А ранги? Проглотил!

У Васи першило в горле, точно он и на самом деле проглотил капитанские ранги. Он напрягал память, сился вспомнить, чему соответствуют два чёрных просвета на погонах, две звёздочки и четыре средних нашивки на рукавах.

— Второго ранга... — не вспоминает, а догадывается Вася, ориентируясь на две звёздочки.

— Дошло наконец... — снисходительно усмехается Костик. — Подойди снова, но теперь у меня уже три звёздочки и одна широкая нашивка на рукаве.

На этот раз Вася обращается к «командиру» увереннее:

— Товарищ капитан третьего ранга...

— Что? — перебивает строгий учитель. — Что ты мелешь? Какого третьего ранга, когда у меня на рукаве широкая?

— А звёздочек-то три?

— Вот поэтому и первого, что три звёздочки! У третьего ранга только одна звёздочка и три средних на рукаве. Вот горе-моряк!

Вася сопел и ворчал себе под нос:

— Зачем это нужно, чтобы всё наоборот?.. Куда, однако, проще было бы: одна звёздочка — первого ранга, две — второго, три — третьего...

Дорога до базы длинная, а званий на флоте так много, начиная с рядового матроса и кончая адмиралом флота, что к концу пути у Васи всё перепуталось в голове и встретившегося мичмана он принял за адмирала первого ранга. Костик чуть не упал от смеха.

— Ой, не могу!.. Адмирал первого ранга... Да такого звания на всех флотах не сыщешь! — кричал он. — Разве вот тебе первому присвоят...

В порту у стенки стояло несколько кораблей. Остальные виднелись в разных местах затона. Ребята долго ходили, всё не решаясь попытать счастья. Наконец Костик остановил свой выбор на одном из мониторов и подошёл к вахтенному у трапа.

— Товарищ старший матрос, можно нам с командиром поговорить? — вежливо попросил он.

— Думаю, что можно... Но только бесполезно, ребятаки, — ответил матрос, улыбаясь. — Юнги нам не требуются. Ясно?

— Ясно, — протянул Костик и потащил Васю к другому монитору.

Но и на втором, и на третьем, и на четвёртом корабле они слышали один и тот же ответ. Даже Костик начал терять твёрдость духа.

Ребята уселись на бухту троса и пригостились. И устали они, и есть хотелось. Добавок наступал вечер.

— Домой бы, однако, пора... — робко сказал Вася.

Но Костик не слышал, что он сказал: прямо к ним шёл высокий худощавый моряк в парадной форме. Последние лучи солнца играли на позолоте его кортика. Костик впился в него глазами.

Офицер обратил внимание на ребят и остановился. Костик моментально вскочил и вытянул руки по швам. Вскочил и Вася.

— Так... — сказал наконец офицер протяжно. — Нашего полку прибыло. Ну, что ж, пойдёмте потолкуем.

Всё случилось так быстро и так неожиданно, что ребята долго не могли оторвать подошвы от настила. Потом они пришли немного в себя и бросились за офицером по сходящим на корабль.

Вахтенный скомандовал «смирно», и все на палубе замерли. Офицер отдал честь флагу.

Палуба на мониторе была покатою и, как показалось Васе, очень скользкой. Он невольно ухватился за руку Костики. Но тот вырвал руку и так строго посмотрел на Васю, что тот тот жеёжился.

— Чего ты?.. Я просто хотел спросить, какого он ранга, — шепнул Вася в оправдание.

— Первого... — чуть слышно ответил Костик.

Командир приказал дежурному офицеру накормить мальчишек.

— А потом я с ними побеседую.

Офицер передал приказание коку.

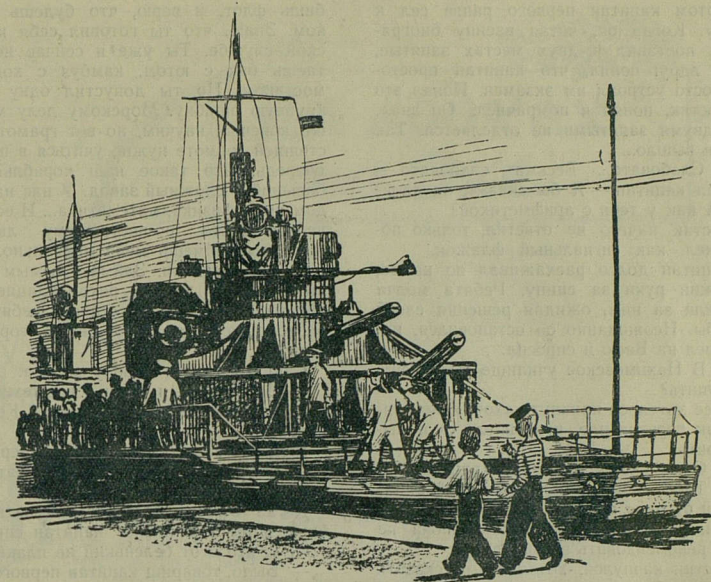
Ребят накормили вкусным борщом, чудесными котлетами и компотом. Вася готов был поклониться, что не ел в жизни ничего вкуснее. Костик смотрел на него торжествующе, точно это он был здесь хозяином и угощал Васю.

— Можешь попросить добавки, если не наелся, — шепнул он.

Но как без всякой их просьбы поставил перед ними по второй чашке компота.

— Витамины для молодых людей — самая полезная пища! — сказал он, поднял палец и подмигнул «молодым людям».

После ужина дежурный офицер проводил ребят к командиру. Капитан первого ранга у себя в каюте выглядел как-то проще и добрее. Большие всего удивило Васю то, что он, не спрашивая их, зачем они пришли на корабль, разговаривал с ними так, точно они ему уже всё подробно рассказали. А начал он так:

Ребята долго ходили, всё не решаясь попытаться счастья.

— Садитесь, и начнём с биографий...

Биографии у ребят были короткие: родились, подросли, пошли учиться...

— Значит, отцы ваши были моряками, и вы хотите во флот?

— Только во флот,— уточнил Костик.

— А мамы ваши как на это смотрят?

Вася набрался смелости и опередил Костика:

— Хорошо смотрят... Они знают, что мы к вам пошли... Моя мама очень будет рада, если я поступлю в матросы...

Для большей убедительности он ещё добавил:

— И дедушка, мамин папа, тоже у нас был моряком.

— Значит, потомственные моряки? — усмехнулся капитан. — Хорошо. Стало быть, дома знают, что вы здесь?

— Знают. Честное пионерское, знают! — поспешил заверить Вася.

— А вы пионеры?

— Так точно, товарищ капитан первого ранга! — выпалил Костик.

— Не вижу... Галстуки ваши где?

Вася растерянно посмотрел на Костика. Это он сказал ему, что юнгам галстуки носить не положено, потому что они носят форму. Капитан точно прочёл его мысли.

— Пока вы не надели форму, галстуки снимать я не рекомендовал бы... А документы у вас с собой?

— Нет... А какие документы, товарищ капитан первого ранга? — деловито осведомился Костик.

— Заявления от родителей и школьные табели.

— Мы не знали... Мы бы обязательно принесли...

— Ладно. Время терпит, — сказал капитан. — Мы вот что сделаем. Садитесь-ка вы к столу. Вот вам по два листа бумаги, по ручке, пишите на одном листе биографию, на другом заявление... А я пока займусь своим делом.

Как ни коротки были биографии, писали их ребята целый час. Правда, Вася написал быстрее, но он терпеливо ждал, когда напишет Костик.

Потом капитан первого ранга сел к столу. Когда он, читая васину биографию, поставил в двух местах запятые, Вася вдруг понял, что капитан просто-напросто устроил им экзамен. Понял это и Костик, поняв и помрачнел. Он знал, что двумя запятыми не отделается. Так оно и вышло...

— Слабовато... Весьма слабовато, — сказал капитан. — Я бы сказал, на двойку. А как у тебя с арифметикой?

Костик ничего не ответил, только покраснел, как сигнальный флажок.

Капитан долго рассказывал по каюте, заложив руки за спину. Ребята молча следили за ним, ожидая решения своей судьбы. Неожиданно он остановился, посмотрел на Васю и спросил:

— В Нахимовское училище ты хочешь поступить?

Васе хотелось крикнуть «хочу», но горло так перехватило, что он еле смог выговорить:

— Очень хочу, товарищ капитан...

— Тогда запиши вот здесь свой адрес и жди от меня вызова. А тебя, Костик, — извини, я человек прямой — я пока не могу рекомендовать в училище.

Костик качнулся, хотел что-то сказать и не мог. Капитан первого ранга смотрел на него ласково и сочувственно.

— Я всё знаю, всё... Знаю, что ты лю-

бишь флот, и верю, что будешь моряком. Знаю, что ты готовил себя к морской службе. Ты уже и сейчас не спутаешь бак с ютом, камбуз с ходовым мостиком. Но ты допустил одну очень крупную ошибку. Морскому делу мы тебя, конечно, научим, но вот грамоте, настоящей грамоте нужно учиться в первую очередь. Что такое наш корабль? Это большой и сложный завод. У нас на каждом шагу физика, математика... И если ты действительно по-настоящему любишь флот, ты поймёшь меня правильно. Даю тебе год отсрочки. Займись самым главным. Помни: лучшей рекомендацией будет твой табель... А сейчас, ребятки, я распоряжусь отправить вас в город на катере.

Капитан нажал кнопку звонка.

— Вот видишь, и здесь у нас техника, — сказал он улыбаясь и взъерошил Костику волосы.

В каюту вошёл дежурный офицер.

— Отправьте ребят на моём катере в город, — приказал капитан.

Когда офицер пришёл доложить, что приказание выполнено, капитан спросил:

— А что этот беленький не плакал?

— Было, товарищ капитан первого ранга... Да и у тёмненького глаза блестели.

— Хорошие ребята!.. Тёмненький по дружбе плакал. Обидно ему за дружка. Ну, ничего. Я в них обоих верю. Они на правильном курсе, как сказал бы этот беленький. Отцов их обоих я знал. Настоящие были герои... А мне эти ребята многое напомнили, вспомнил я двадцать третий год...

Офицер вопросительно посмотрел на командира.

— В двадцать третьем году я тоже так же вот пришёл на стенку к борту линкора... Это было в Кронштадте...

На лодках по Оке

Они отправляются в путь

Поезд мерно вздрагивал на стыках рельсов. Мимо окон вагона пролетали едва освещённые перроны полустанков, тёмные силуэты деревень, уснувшие громады лесов.

Додя Соболева положила голову на туго набитый рюкзак. Не спится. Весь день прошёл в беготне и суматохе. Додя — завхоз туристской группы в двадцать человек, которая сейчас едет в Калугу. Отсюда ребята шестьдесят километров пойдут на лодках по Оке до Алексина.

В Алексине они передадут лодки и всё походное снаряжение другой походной группе — пионерам и школьникам Москворецкого района. Те дойдут до Серпухова, где их сменят юные туристы Железнодорожного района...

Шесть районов столицы организовали этот поход-эстафету от Калуги до Москвы, через Алексин, Серпухов, Каширу, Коломну и Раменское. Ребятам предстояло пройти более пятисот километров на лодках по Оке. И открывали этот поход юные путешественники Бауманского района.

Хорошо путешествовать! Сколько городов, новыхстроек, колхозов увидят ребята! Сколько замечательных людей повстречают они! Скорей бы Калуга!..

В Калуге москвичей встретили калужские пионеры. Самый маленький из встречающих подошёл к командиру группы Лене Лоренцсон и протянул букет цветов.

Вдоль зелёных скверов и садов Калуги гости и хозяева двинулись к Дому пионеров. Встречные, улыбаясь, смотрели им вслед.

В Калуге

Юра — так звали мальчика, подарившего Лене цветы, — оказался прекрасным проводником. В Калуге и её окрестностях он знал каждый уголок. Как истинный патриот своего города, Юра считал, что после Москвы Калуга — самый лучший город на свете. Вместе с директором детской туристской станции Александром Дмитриевичем Юдиным он повёл москвичей осматривать город.

Калуга — в самом деле чудесный город. Трудно поверить, что почти до основания разрушенный немецкими захватчиками, он восстановлен в такой короткий срок.

— У нас на каждой улице стройка. — говорит Юра.

Александр Дмитриевич рассказал ребятам, что в Калуге строятся не только жилые дома, но и предприятия. Совсем недавно в городе выстроены фабрика «Таж» и завод «Пианино». В день приезда ребята побывали во многих примечательных местах. Прежде всего они попали в домик Константина Эдуардовича Циолковского.

«Здесь жил и работал с 1904 по 1933-й год знаменитый деятель науки и изобретатель К. Э. Циолковский», — написано на мемориальной доске при входе в домик-музей.

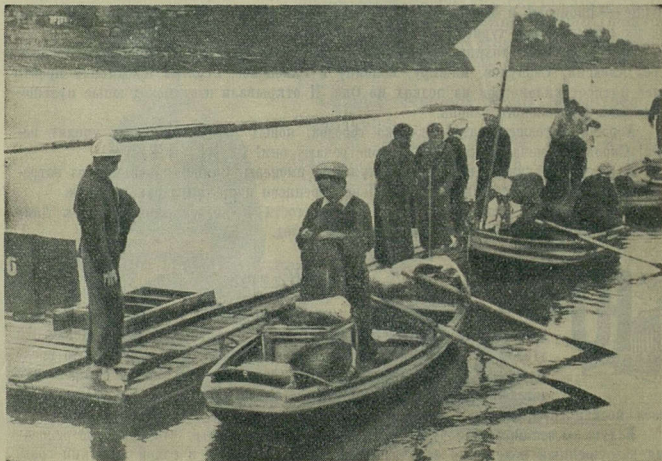
Ребята прошли по комнатам дома, осмотрели кабинет, террасу, «светёлку», построенную самим Циолковским, рассмотрели его приборы, инструменты.

«Невозможное сегодня станет возможным завтра», — прочитали они в кабинете знаменитое изречение учёного. Слушая экскурсовода, ребята подробно записали сведения о жизни и творчестве великого изобретателя.

Юра торопил гостей. Ему так хотелось показать им все достопримечательности Калуги: и бывший дом купцов Коробовых, построенный в древнерусском стиле, и домик, где, по преданию, жила Марина Мнишек во время похода Лжедмитрия на Москву, и мост через Березуйский овраг — странное сооружение на пятнадцати арках, построенное в прошлом веке калужским губернатором-самодуром, чтобы ездить в своё загородное имение. Великий русский писатель Н. В. Гоголь бывал в Калуге. И кто знает, может быть, именно этот нелепый мост послужил прообразом того моста, о котором мечтал Манилов.

Юра водил ребят и на своё любимое место в окрестностях Калуги — в овраг Можайку на берегу Оки, по дну которого протекает небольшой ручей. На белых, известняковых берегах оврага много воронок карстового происхождения. Юные геологи Валя Шишов, Витя Егоров, Валерий Агранат с азартом заправских геологов собирали и окаменевшие раковины, и блёстки слюды, и образцы голубой глины. Уже начинало темнеть, а ребята всё бродили по оврагу и время от времени кричали друг другу:

— Посмотри, какие сланцы! А вот известняки! Каменный уголь... Какое богатство!

Последние приготовления к походу.

Москвичи пробыли в Калуге пять дней. С утра до вечера осматривали они всё, что могло интересовать нового человека в незнакомом городе. А в Калуге и её окрестностях таких мест немало.

Вот остатки древнего поселения литовцев — Литовское городище на Угре. Здесь проходила граница Литовского и Русского княжеств. С высокого холма ребятам открылся чудесный вид на Угру и Оку. Отсюда видна старая, полуразвалившаяся церквушка, построенная князьями Воротыньскими.

Потом ребята пошли на одну из крупнейших в Союзе и в Европе спичечную фабрику «Гигант». Здесь все работы механизированы. Ребята видели, как электрические пилы распиливают брёвна на чурки, как особая машина разрезает их на спичечный шпон — тонкую соломку. Часть её идёт на коробки, часть на спички. Готовые спички конвейером подаются на специальную машину, которая укладывает в коробки точное число спичек. После этого на коробки наклеиваются яркие этикетки.

В Калуге есть стекольный завод, который вырабатывает оконное стекло, банки и стёкла для фонарей. Старый мастер Николай Григорьевич Абрамов показал ребятам машину, которая вытягивает расплавленную стеклянную массу в длинные полосы, потом разрезает стекло на листы. Так изготавливается оконное стекло. Потом Николай Григорьевич взял в руки длинную металлическую трубку и опустил один её конец в чан с расплавленной стекольной массой. Приложив другой конец трубки ко рту, он начал дуть. На конце трубки вырос стеклянный пузырь. Николай Григорьевич опустил его в форму и, когда стекло застыло, вынул оттуда готовый графин.

— Это вам на память от стеклодува, — сказал он.

Александр Дмитриевич Юдин рассказал ребятам о том, какой Калуга будет через несколько лет.

На рассвете пятого дня приехал начальник всего похода-эстафеты Александр Сергеевич Потресов. Юные путешественники встретили его радостными приветствиями: завтра они уже будут плыть по Оке!

На лодках до Алексина

Весь день моросил мелкий дождь. Поблёскивая голубой краской и касаясь бортами друг друга, на воде покачивались лодки.

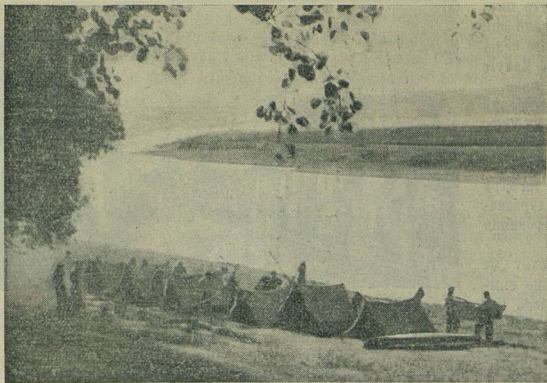
До свидания, зелёная, весёлая Калуга! Здравствуй, походная жизнь! Всё дальше отходят от берега лодки. Дождь усиливается, но на него никто не обращает внимания...

Многие ребята, в том числе и Витя Егоров, оказались новичками в походной жизни. Им приходилось бывать в экскурсиях, участвовать в поездках по историческим местам, но настоящий поход, со всеми его трудностями, ребята проводили впервые. Ещё в Москве, готовясь к походу, Витя твёрдо усвоил, что при гребле вёсла не надо опускать глубоко в воду, а ноги нужно крепко держать на упоре. Так и гребти легче и лодка пойдёт быстрее. Всё это Витя хорошо понимал в теории, а на деле у него получалось иначе: лодка, на которой плыл он с Валей Шишовым, всё время шла позади других. Витя не справлялся с вёслами, уставал. Но разве мог он сказать об этом руководителю группы Владимиру Михайловичу Глебову?! Вот девочкам ещё труднее, но они не жалуются. И Витя молчал, до боли напрягая руки и стараясь догнать товарищей.

Лена Лоренцсон зарисовала в Калуге заново отстроенную улицу Ленина.

Привал. Юные путешественники разбили палатки на берегу Оки.

Серебристые ивы склонились над самой водой. Они тянутся вдоль берега, словно охраняя путь лодок. Вечерет, и берега совсем пропадают в бесконечной сетке дождя. Каким длинным кажется этот первый день на воде! Уже смолкли звонкие песни, не слышно смеха, ребята гребут молча.

Наконец-то привал! Тяжело упираются носами в берег лодки. Как хочется стинуть с себя мокрую одежду, протянуть к огню натруженные руки, но прежде всего — топливо, и ребята разбредаются по лесу. И вот на берегу вырастает ворох сушняка, и уже пылают костёр.

Тамара Суторшина, а за ней и все девочки запевают песенку.

И от того, что звенит в лесу песня, весело потрескивает костёр и бурлит в котле каша, будто и усталость проходит...

Так было в первый день похода. Шли дни, и юные путешественники привыкли к жизни на воде; их не пугали частые дожди: в запасе всегда была сухая одежда. Ребята полюбили почёвки в лесу, ветерок, поднимающий рябь на воде, проплывающие мимо зелёные берега. Дожливая погода не мешала юным путешественникам на каждом привале уходить в лес за земляничкой, грибами и совершать небольшие походы. Они побывали в селе Михайловском, где до сих пор сохранились древнее городище и развалины крепости, построенной для защиты от набегов татар. Полдня они пробыли в старинном русском городе Дугно. Он построен ещё при Петре Первом. С тех пор в нём существует металлургический завод. Много раз перестроенный, завод и теперь работает. Как реликвии там хранятся весы и инструменты, которыми пользовались петровские мастера. Ребята побывали на этом заводе.

Радостно встретили бауманцев в Алексине. Рапорт об их прибытии приняла новая группа участников похода — пионеры и школьники Москворецкого района. На следующий день эти ребята отправились в путь. Высоко поднялись в знак прощания вёсла, в последний раз помахали платками и кепками оставшиеся на берегу.

И вот испытанные в походе лодки двинулись дальше, на Серпухов, а бауманцы остались в Алексине и продолжили свой путешествие по сухопутному маршруту. Они осмотрели прославившиеся в годы Великой Отечественной войны партизанские пещеры под Алексином, были в карьере, где добывают известняк и щебёнка для строительства новых домов в Москве и других городах страны...

Окрепшие, полные новых впечатлений, ребята вернулись домой.

Р. Польшовская

А. М. Горький в своём рабочем кабинете. 1935 год.

ВАШ БОЛЬШОЙ ДРУГ

Алексей Максимович Горький очень любил детей. Он хотел, чтобы дети выросли достойными продолжателями дела отцов, строителями коммунизма. «...Пионеры, это — смена, это — резерв, это — законнейшие наследники всего, что сделано и делается», — говорил он.

Большая, тесная дружба всю жизнь связывала Горького с детьми. Он всегда тепло и нежно заботился о них. В дореволюционное время он устраивал в Нижнем Новгороде ёлки для нищей, голодной детворы; он хлопотал о том, чтобы раздобыть коньки для тех, кто не может их купить; он придумал клеить для деревенских школьников альбомы из картинок, вырезанных из старых журналов, и увлёк этим делом не только свою семью, но и всех, кто бывал у него в доме.

«Ведь ребята эти ничего не видели, — говорил Горький. — А тут и города, и реки, и дальние страны».

Забота Горького о детях была постоянной, ему хотелось видеть детей счастливыми.

И вот пришёл Великий Октябрь. Советская власть открыла для ребят двери школ, библиотек, театров, гостеприимно распахнула ворота парков, катков, стадионов.

Горький отдавал много времени и сил тому, чтобы воспитать советских ребят достойными строителями коммунистического общества, людьми культурными, честными, умелыми в работе, — словом, полезными и нужными гражданами великой страны. Он заботливо составлял списки книг, которые нужно выпустить для ребят. Он помог организовать новое издательство, выпускающее книги для детей, — Детгиз. Он интересовался, какие игрушки делают в мастерских и на фабриках, потому что считал: ребятам необходима красивая и умная игрушка.

Сколько писем писали ему дети! И, отвечая, Алексей Максимович для каждого находил приветливое слово, весёлую шутку, мудрый совет. Ласковый и внимательный, он был строгим и требовательным другом. Таким и должен быть настоящий

друг. Как сурово отчитал он ребят одной пензенской школы, приславших ему неяршиловое, полное ошибок письмо:

«Стыдно ученикам четвёртого класса писать малограмотно, очень стыдно!»

Зато как радовался Горький каждому успеху советских школьников и пионеров, как доволен был, что ребята много пишут ему, как гордился своим красным галстуком и званием почётногo пионера! На торжественной линейке у пионеров завода «Серп и молот», когда высокий и большой Алексей Максимович слегка нагнулся, чтобы ему повязали галстук, он волновался, как волнуется и вы, ребята, в такой день; на глазах его блеснули слёзы.

В Ленинграде есть большой дом по Кронверкскому проспекту, по бывшему Кронверкскому, потому что теперь это улица Горького. В этом доме № 23 в первые годы революции жил Алексей Максимович.

До сих пор свежа там память о жильце квартиры № 5. Взрослые люди, которые в те времена были ребятами, вспоминают, как, бывало, Алексей Максимович сажал их на извозничьи дрожки, чтобы прокатить по городу. В суровый и голодный девятнадцатый год он доставал для них леденцы, которые считались тогда неслыханной роскошью.

Куда бы ни приезжал Горький, он всюду становился любимцем ребят. Он всегда угадывал, что мило детям, любил их развеселить и рассмешить, а с ними и сам становился весёлым и озорным, как школьник.

Он умел изобразить, как собака зевает

и ловит муху в жаркий полдень, умел поговорить с маленькой девчуркой о её старой, потрёпанной кукле. Но были у Горького с ребятами и другие беседы: задушевные, серьёзные, такие, что западали в сердце на всю жизнь и через много лет вели людей на подвиг в труде и в бою.

Однажды в такой беседе пионер Толя Нефедов, мечтавший стать лётчиком, обещал Горькому прилежно учиться, быть мужественным, смелым. Прошли годы. В Великую Отечественную войну лётчик-истребитель Анатолий Нефедов совершил немало подвигов в воздушных боях за Родину и стал Героем Советского Союза.

Алексей Максимович Горький умер пятнадцать лет назад, 18 июня 1936 года. Тайно и злобно извели его враги нашего народа. Не стало великого писателя и светлого человека, большого, умного друга детей.

Среди вас, нынешнего поколения пионеров, даже самые старшие не застали его в живых. Но вы читаете его книги. И горячее, могучее слово Горького, как сердце Данко, освещает вам путь в жизни.

Здесь мы печатаем некоторые письма Горького к детям. Прочитайте их, ребята! Они полны любви, дружбы и внимания!

Советы Горького, его светлые, мудрые мысли всегда будут находить отзвук в сердцах ребят, помогая им расти мужественными и честными борцами за коммунизм, беззаветно преданными своей Родине.

Горький с внучками Марфой и Дарьей. 1932 год.

Письма М. Горького к детям

МАЛЕНЬКИМ БАКИНЦАМ

В городе Мессине, в Италии, произошло сильное землетрясение. Много людей осталось без крова. Горький в это время жил в Италии и организовал кампанию помощи пострадавшим. Среди людей, откликнувшихся на его призывы, были двенадцать школьников из города Баку. Они прислали Алексею Максимовичу письмо, а в нём собранные ими деньги для осиротевших маленьких итальянцев. Горького очень взволновало это письмо, он ответил ребятам, и у них завязалась дружеская переписка. Мы печатаем здесь два письма Горького к бакинцам.

Дорогие дети!

Я получил собранные вами деньги для мессинцев и сердечно благодарю вас за всех, кому вы помогли. От души желаю для вас, хорошие маленькие люди, будьте всю жизнь так же чутки и отзывчивы к чужому горю, как были вы в этом случае. Лучшее наслаждение, самая высокая радость жизни — чувствовать себя нужным и близким людям. Это — правда, не забывайте её, и она даст вам неизмеримое счастье. Вас 12. На память об Италии, прекрасной стране, которую я желаю вам увидеть когда-либо, посылаю вам дюжину открыток. Будьте здоровы, любите друг друга и — побольше делайте шалостей, — когда будете старичками и старушками — станете с весёлым смехом вспоминать о шалостях. Крепко жму ваши лапки, да будут они честны и сильны по все дни жизни вашей...

Апрель, 1909 год. Капри.

Джеффри, Лизе, Вите, Эльзе, Феде, Диме, Лене, Мерн, Меме, Шуре, Ирене, Павлу, Норе, Феде, Боре, Гюнту — привет.

Поздравляю с хорошим праздником, желаю вам веселиться до упада!

Мне хотелось напомнить вам, хорошие человечки, о себе, и вот я придумал послать девочкам — рамки, а мальчикам — коробки из дерева, работы здешних крестьян. Если эти штуки понравятся вам — я буду рад, а если вы мне ещё раз напишете письмишко — так это уж будет праздник для меня.

На рамках и коробках я сделал надписи кому какую. Но, вероятно, я сделал это

Алексей Максимович Горький на Капри.

плохо и вы не обращайтесь внимание на эти надписи — хорошо?

...Получив ваши письма, я хохотал от радости, так, что все рыбы высунули носы из воды — в чём дело? Я объяснил им, что на берегу другого моря живут славные люди, они ещё маленькие, но, я уверен, что и большими они будут хороши — вот почему мне радостно.

...С какой большой радостью повидался бы я с вами, милые дети, как бы славно мы поиграли и сколько мог бы я рассказать вам забавнейших вещей. Я хотя и не очень молод, но не скучный парень и умею недурно показывать, что делается с самоваром, в который положили горячих углей и забыли налить воду. Могу также

показать, как ленивая глупая рыба «пер-
кая» берёт наживу с удочки, и много дру-
гих смешных вещей. Я очень люблю играть
с детьми, это старая моя привычка; ма-
ленький, лет десяти, нянчил своего бра-
тишку — он умер, потом нянчил ещё двух
ребят и, наконец, когда мне было лет 20 —
я собирал по праздникам ребятешек со
всей улицы, на которой жил, и уходил с
ними в лес на целый день, с утра до ве-
чера.

Это было славно, знаете ли! Детей со-
биралось до 60, они были маленькие, лет
от четырёх и не старше десяти; бегая по
лесу, они часто, бывало, не могли уже
итти домой пешком. Но у меня для этого
было сделано такое кресло, я привязывал
его на спину и на плечи себе, в него са-
дились уставшие, и я их превосходно та-
щил полем домой. Чудесно!

Хорошее было время, мне приятно вспо-
минать о нём...

...Ирена просила, чтобы я написал пьесу
для детей — я попробовал, и оказалось,
что не умею.

Издаёте ли вы свой журнал?

Если кроме 1-го номера будете ещё —
пришлите, пожалуйста, мне.

Я попытаюсь написать для вас сказку —
идёт?

Будьте здоровы и не ссорьтесь часто.
Эти ссоры, я вам скажу, ужасно мешают
жить весело.

1909 или 1910 год.

ПИОНЕРАМ СОТОГО ОТРЯДА БАУМАНСКОГО РАЙОНА

...Желаю, чтоб каждый из вас прожил
такую же интересную жизнь, какая про-
жита и доживается мною. Особенно сча-
стливо и радостно доживаю я мои годы, и
это потому, что в мир так весело, смело,
так разумно входите вы на смену стари-
кам. Не бойтесь, ребята, действительности,
не склоняйте пред нею головы, вы призваны
в жизнь не для того, чтоб подчиняться
старому, а чтоб создавать новое, разум-
ное, светлое. Привет!

Июнь, 1929 год.

ШКОЛЬНИКАМ ИРКУТСКОЙ ШКОЛЫ ИМЕНИ ГОРЬКОГО

Был у меня тов. Басов, рассказывал о
том, какие хорошие школы строятся у
вас, на востоке Сибири, рассказывал, как

вы учитесь и как много среди вас делови-
тых человечков.

Особенно приятно знать, что учитесь
вы усердно, с любовью. Так и надобно,
ребята, науку надо любить — у людей нет
силы более мощной и победоносной, чем
наука...

...Нам нужны сотни тысяч врачей, учи-
телей, инженеров, музыкантов, актёров,
поэтов, романистов и т. д., нужна армия
людей, которые занялись бы поисками и
разработкой сокровищ, лежащих в недрах
нашей земли. В нашем государстве
не должно быть насекомых, опасных для
здоровья людей, сорных трав, истощаю-
щих соки земли, вредителей лесов и хлеб-
ных злаков. Мы должны всю землю нашу
обработать, как сад, осушить болота,
снабдить водой безводные пустыни, кана-
лизировать и углубить реки, построить
миллионы километров дорог, вычистить
огромные наши леса. В нашей стране
не должно быть места саранче, пожира-
ющей хлеб, комарам, которые прививают
людям лихорадки, мухам, распространя-
ющим болезни, насекомым, истязаящим
домашний скот. Крысы и мыши — парази-
ты, приносят нам убытков на сотни мил-
лионов рублей, так же как грызуны по-
лей — кроты, суслики и полевки. Это, раз-
умеется, ещё не всё, есть ещё много
разнообразной, весёлой работы по строи-
тельству первого, подлинно культурного,
социалистического государства, эта ра-
бота ждёт вас, и она требует широких
научных знаний...

Ноябрь, 1935 год.

ПИОНЕРАМ ИГАРКИ

Сердечный привет вам, будущие докто-
ры, инженеры, танкисты, поэты, лётчики,
педагоги, артисты, изобретатели, геологи!

Хорошее письмо прислали вы. Богато
светится в простых и ясных словах его ва-
ша бодрость и ясность сознания вами пу-
тей к величайшей цели жизни, путей к
цели, которую поставили перед вами и
перед всем трудовым народом мира ваши
отцы и деды. Едва ли где-нибудь на земле
есть дети, которые живут в таких же суро-
вых условиях природы, в каких вы жи-
вёте, едва ли где-нибудь возможны дети,
такие, как вы, но будущей вашей работой
вы сделаете всех детей земли столь же
гордыми смельчаками.

Вы пишете: «живём сейчас, когда нам
не светит солнце, только три часа мы ви-
дим дневной свет, остальное время по-

Иркутские пионеры, авторы книги «База курносых», в гостях у Горького. Москва, 1934 год.

лярная ночь, морозы, пурга». Но вот, и во тьме полярной ночи ярко горит солнце человеческого разума, силой которого уничтожена цынга, ещё недавно обычная болезнь дальнего севера, силою разума на земле, окованной вечной мерзлотой, обильно рождаются овощи, развёрнуто скотоводство. Всё это было бы невозможно до ленинской революции, в ту пору, когда право на широкую грамотность, на развитие разума было во власти классов помещиков, фабрикантов, лавочников.

...Большие, изумительные радости ждут вас, ребята! Через несколько лет, когда, воспитанные суровой природой, вы, железные комсомольцы, пойдёте на работу строительства и на дальнейшую учёбу, пред вами развернутся разнообразнейшие красоты великой нашей страны, увидите Алтай, Памир, Урал, Кавказ, поля пшеницы, размером в тысячи гектаров, гигантские фабрики, заводы, колоссальные электростанции, хлопковые плантации Средней Азии, виноградники Крыма, свекловичные поля, фабрики сахара, удивительные города: Москва, Ленинград, Киев, Харьков, Тифлис, Эривань, Ташкент, столицы маленьких братских республик — например, Чувашии, столицы, которые до революции очень мало отличались от простых сёл.

Много прекрасного в стране Союза Социалистических Советов, и оно всё растёт. Всё это — ваше хозяйство.

И, разумеется, для того, чтобы уметь владеть им, чтоб развивать его всё шире, — необходимо, ребята, учиться много, серьёзно, честно. Всякая работа в нашей стране — работа всех для каждого и каждого для всех, а кроме этого — работа в пример всему трудовому народу Земли. Надо воспитать, развивать в себе любовь к учёбе, чтобы учёба была приятна, как игра...

Январь, 1936 год.

ИЗ ПИСЬМА К СЫНУ

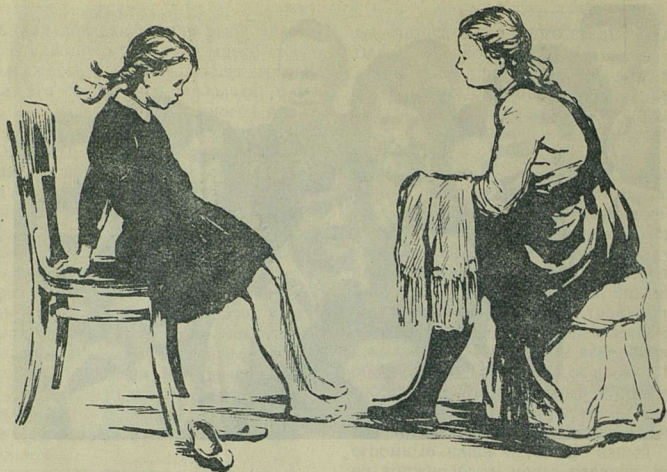
...Ты уехал, а цветы, посаженные тобою, остались и растут. Я смотрю на них, и мне приятно думать, что мой сынишка оставил после себя нечто хорошее — цветы.

Вот если бы ты всегда, всю твою жизнь, оставлял для людей только хорошее — цветы, мысли, славные воспоминания о тебе, — легка и приятна была бы твоя жизнь.

Тогда ты чувствовал бы себя всем людям нужным, и это чувство сделало бы тебя богатым душой.

Знай, что всегда приятнее отдать, чем взять.

1907 год.

ВЕСЕЛАЯ СМЕНА

Ольга Зив

Рисунки Евг. Васильева

КАЛОШНЫЙ БУНТ

Второй смене не повезло. Дождь зарядил в день приезда и не прекращался уже третьи сутки. Он монотонно барабанил по крышам, мутными ручейками сбегал по оконным стёклам, а лужи на дорожках напоминали маленькие озёра, и даже мальчики из первого, старшего, отряда перепрыгивали через них с трудом.

Весёлый доктор Мария Ивановна обошла спальни малышей и строго-настроено распорядилась, чтобы пятый и шестой отряды не выходили без калош.

— А то придётся вам потом всем подряд ставить горчичники! — притворно сердито пригрозила она.

Девочки послушно вытащили из мешков калоши, а мальчики хмурились и отворачивались. Очень обидно начинать самостоятельную жизнь в пионерском лагере с опротивевших дома калош.

Больше всех были недовольны Денис Драгунский и Паша Соколов. Их связывала старинная дружба, начавшаяся ровно три дня назад на перроне Казанского вокзала. Обоим им было по восьми лет от роду, и оба они впервые попали в пионерский лагерь. Им рисовалась непрерывная цепь волнующих походов и заманчивых приклю-

чений, купанье в реке, костры, над которыми кипят котелки с ухой. И вдруг калоши! Можно прийти в дурное настроение!

В шестом отряде, у девочек, тоже нашлись недовольные. Машенька Кожина была поймана старшей вожатой Евгенией Антоновой в ту минуту, когда, даже не сняв тапочек, она храбро переправлялась вброд через огромную лужу. И Машеньку отправили переобуваться под надзором пионерки с толстыми русыми косами.

— Вы тоже вожатая? — подозрительно спросила Машенька, искоса поглядывая на свою новую знакомую.

— Нет, я просто Люба из второго отряда, — ответила девочка и, присев на корточки, сняла с Маши раскисшие тапочки. — Ой, какие синие ноги! Ну-ка, давай разотрём...

Она оглянулась, ища, чем бы растереть машинные ноги.

— Не хочу, — сказала Маша.

— Глупости! Сиди смирно, я сейчас принесу. Косы мелькнули в дверях, и комната опустела. Машенька минуту посидела тихо, потом выглянула в окно. Дождь лил попрежнему, а Люба, держа в руках свои туфли, босиком мчалась через мокрую лужами площадку к зданию, где помещались старшие отряды.

«Значит, ей можно, а мне нельзя?» — возмущилась Маша.

Она опустила голову на подоконник и всхлинула. Вернувшись, Люба застала её в слезах. Маша причитала:

— Не хочу жить в лагере, хочу к маме!

А в спальне младших мальчиков в это самое мгновение Паша Соколов и Денис Драгунский метильно обсуждали план сооружения шалаша в лесу, где они будут жить вдвоём и, конечно, никогда не станут носить этих противных калош.

СУП С САХАРОМ

— Они ещё совсем маленькие, ничего сами не умеют, — говорила Люба подругам по комнате, переплетая на ночь свои густые косы. — Подумайте, первый раз в лагере, а тут дождь и дождь. Я с этой Машей сегодня чуть сама не заплакала...

— И очень неумно, — сказала рассудительная Рая. — Надо вовсе не плакать, а перевоспитывать.

— Я не умею перевоспитывать, — сокрушённо вздохнула Люба. — Но вы только представьте, как им в такую погоду скучно! Ни побегать, ни поиграть...

— Ты прямо говори, чего хочешь, — перебила нетерпеливая Инна. — Ненавижу всякие подходы.

Люба решительно перекинула одну косу за спину и принялась за вторую.

— Я и говорю прямо. Давайте, девочки, возьмём над ними шефство.

— Над кем «над ними»?

— Над самыми маленькими. По утрам будем вставать пораньше, оденемся, уберёмся и — к ним. Они не успевают постели убраться и причёсаться до линейки, а мы поможем.

В спальню заглянула Евгения Антоновна.

— Что за болтовня? Спать, спать! — сказала она с порога.

— Нет, вы зайдите; пожалуйста, зайдите, Евгения Антоновна, — наперебой заговорили девочки. — У нас такая идея...

Когда девочки раскрыли свой замысел, Евгения Антоновна его одобрила.

— Только втроём вам с этим не сладить, — сказала она. — Надо всем отрядом взяться. И старших мальчиков привлечь...

К утру дождь перестал, и робкое солнышко выглянуло на посветлевшем небе. Люба, Инна и Рая побегали в спальню шестого отряда. Машенька Кожина, сидя на неудобной постели, горестно рассматривала свои высохшие, но скрывшиеся тапочки.

— Чего же ты сидишь? — кинулась к ней Люба. — Сейчас второй горн, а ты непричёсанная, и кровать у тебя не убрана...

— Тапочки мои съёжались... А стелить я не достаю. У меня руки ещё не выросли.

Люба расхохоталась и принялась стелить машинку постель.

— А мы давай вместе постелим. Ну, видишь, как надо? Вот так, так... Достаёшь теперь?

Инна и Рая занялись другими девочками.

После завтрака советы первого и второго отрядов вместе составляли план шефства над малышами. Сначала мальчики довольно холодно отнеслись к затее, но потом сами увлеклись.

— Вы им там косички заплетайте и кормите с ложечки, если угодно, это — дело женское, — снисходительно сказал Боря Голубовский, — а я думаю им театр теней устроить. Это куда важнее.

— Насчёт театра не знаю, но строительство крепостей и городов из глины беру на себя! — важно заявил Юрик Дыхов.

— Прежде всего им надо показать простейшие дорожные знаки, — горячо заговорил председатель совета первого отряда Витя Горохов. — Ну и ещё я могу научить их вырезать кораблики из сосновой коры... — помолчав, прибавил он.

— Всё это хорошо, — сказала Рая, — но скоро обед, и кто будет у них сегодня дежурить в столовой?

Ребята составили расписание дежурств. Первое дежурство поручили Любе и Инне.

Обед начался с маленького происшествия. Танечка Бережинская, которой ещё только в августе должно было исполниться восемь лет, отказалась есть рисовый суп.

— Ну, почему ты не хочешь супа? Он же такой вкусный! — шёпотом уговаривала её Инна, опасливо косясь на танечкиных соседей, которые из солидарности уже отложили ложки.

— Не хочу, он солёный, — тянула Танечка.

— Вовсе не солёный, не выдумывай! — строго сказала Инна. — Бери ложку, и — раз, два — давай!

— Я не умею ложкой, — сообщила Таня.

— А... чем же? — растерялась Инна.

— Вилкой! — объяснила Танечка.

— Суп... вилкой?! — сражённая Инна даже отступила на шаг.

Вокруг засмеялись, Танечка торжествующе оглянулась: ей явно льстило всеобщее внимание. — П с сахаром! — решительно закончила она.

Вечером Инна удручённо докладывала Рае, которую на совете отрядов выбрали ответственной за шефство над малышами:

— ...так она суп и не съела. Говорит, что дома всегда ест с сахаром и что бабушка её кормит с ложечки да ещё сказки рассказывает. Ну, как тебе нравится?

— Ничего, — твёрдо сказала Рая, — научится есть сама. То есть мы её научим. А насчёт сахара... — рассудительная Рая смущённо улыбнулась, — сахар я бы ей, пожалуй, дала. Я, знаешь, сама люблю молочный рисовый суп с сахаром...

ЗАКОНЫ ТОВАРИЩЕСТВА

Лагерная жизнь входила в колею.

Боря Голубовский первым из старших мальчиков выполнил своё обещание. По вечерам на веранде у малышей, спрятавшихся за натянутую простыню, он разыгрывал в тёмном театре несложные пьески. Ему помогала Рая. Она знала множество сказок и составляла из них нехитрые сценарии.

Старшие ребята тоже с удовольствием приходили на эти спектакли. Но однажды, после новой постановки, в которой Змей Горыныч беспощадно расправлялся с Василисой Прекрасной и Коньком-Горбунком, среди малолетних зрителей произошло смятение. Танечка Бережинская, уже не только научившаяся есть суп ложкой, но и усвоившая пионерский закон товарищества, храбро бросилась на помощь Коньку-Горбунку. Простыня упала и потянула за собой настольную электрическую лампу; она разбилась с оглушительным треском, очень похожим на выстрел.

События разыгрались молниеносно. Кто-то вскрикнул: «Ой, боюсь!», — кто-то в темноте наткнулся на опрокинутый стул и ушиб ногу. И поднялась суматоха.

Вечером в шестом и пятом отрядах долго не засыпали, вспоминая все злодеяния Змея Горыныча.

Вскоре началось новое увлечение: поймали сороку с подбитым крылом и решили её вылечить. А потом ребята из соседнего колхоза подарили лагерю двух кроликов. Зародился живой уголок. Шестой отряд так усердно кормил кроликов, что они всё время пребывали в сонном состоянии. Клетки для кроликов и для сороки смастерил Юрий Дыхов и втайне гордился этим скромным сооружением. Его глиняные постройки размывали ежедневные дожди.

Наконец погода установилась.

— Начинаем настоящую лагерную жизнь. Завтра старшие отряды отправляются в двухдневный поход с ночёвкой в лесу, — радостно объявил Витя Горохов, который хорошо ориентировался на местности и тосковал от невозможности из-за дождей применить своё искусство.

Готовились к походу и старшие девочки. А Люба попрежнему пропадала у девочек шестого отряда.

— Они узнали про наш поход и расстроились, — печально сказала она, вернувшись от подшефных. — Говорят: «А нас почему не берут?..»

— Ну куда же такую мелюзгу? Ведь даже третий и четвёртый отряды не будут участвовать, — как всегда, обстоятельно возражала Рая.

— Да я понимаю, только не по-товарищески это...

У Любы было доброе сердце, и она жалела огорчённых малышей.

— Девочки, — сказала она, — знаете, что я придумала? Мы специально для маленьких устроим поход. Конечно, без ночёвки, но тоже интересно! В общем, это будет такая игра: весёлое путешествие через четыре заставы...

— Как, как? Через какие заставы?

— А вот... — и Люба рассказала свою план.

ЧЕРЕЗ ВСЕ ЗАСТАВЫ

Миновала неделя. Однажды вечером, после того как горн пропел: «Спать, спать по палатам...», — Люба и Юра крадучись пробрались к малышам спящим, где уже раздавалось общее мерное посапывание. А утром, едва дежурные Рая и Инна появились у малышей, чтобы проследить за подъёмом, шестой отряд оглушил своих старших подруг взволнованными возгласами:

— Смотрите, смотрите, что я нашла только что! — кричала Машенька Кожина, размахивая письмом, написанным крупными, чёткими буквами. — Это я нашла, я первая встала и гляжу: на полу у двери лежит письмо!

— Ну, раз ты нашла, то ты и прочти вслух, — сказала Рая.

Тогда Маша вышла вперёд и прочла:

«Дорогие девочки из шестого отряда! Вам пишет Василиса Прекрасная. Змей Горыныч запер меня под семью замками, под семью затворами, в старом амбаре у берёзового леса. Кроме вас, никому меня освободить, потому что Конёк-Горбунк тоже в плену у Змея Горыныча. Путь ко мне лежит через четыре заставы, и на каждой заставе от вас потребуют выкуп. На первой заставе откупитесь смышленьем, на второй —

уменьем, на третьей — плясками, на четвёртой — сказками.

Идите, выручайте, дорогу примечайте по белым камешкам, по еловым шишкам, по зелёным веткам и другим приметам. Жду вас!

Василиса Прекрасная.

— Ну, что ж, девочки, пойдём выручать Василису Прекрасную? — спросила нетерпеливо Инна, едва Машенька кончила читать.

— Да, да! — хором закричали девочки.

И вот они отправляются в путь-дорогу. За воротами лагеря, прямо на тропинке, ведущей к колхозному полю, разведка шестого отряда обнаруживает стрелу, выложенную из белых камешков. Танечка Бережinskая, которая с увлечением слушала рассказы Вити Горохова о дорожных знаках, захопала в ладоши:

— Стрелка, стрелка! Это Василиса Прекрасная оставила нам знак, куда идти... По белым камешкам, по еловым шишкам.

Дальше в самом деле девочки увидели стрелу из еловых шишек.

Так отряд добрался до ореховой рощицы, где в кустарнике девочек подстерегала первая застава. Две пионерки из второго отряда со смехом выскочили им навстречу:

— Выкуп, выкуп! — весело потребовали они. — Отгадайте-ка загадку: всем, кто придёт, и всем, кто уйдёт, она руку подаёт...

Девочки рассаживаются под кустами и, обдирая зелёные, ещё мягкие орехи, усердно думают.

— Знаю, знаю! — закричала Ира Рогинская. — Дверь! Это дверь. Она всем руку подаёт, да?

— Молодчина, Приша. Ну, ещё...

Пришлось отгадать ещё две загадки, потом Катя Козлова быстро-быстро протараторила заданную скороговорку: «Шла Саша по шоссе и сосала сушку...» — наконец застава вынуждена была отпустить отряд дальше.

На второй заставе девочки проделали несколько гимнастических упражнений; на третьей — лучшим плясуньям пришлось сплясать русскую, а на четвёртой — рассказать сказку и прочитать басню.

Наконец, откупившись на всех заставах, девочки вышли из берёзового леса и в ста шагах перед собой увидели амбар без окон.

— Вот, вот он! — закричала Мама Кожина, но в это мгновение откуда-то справа показались мальчишки пятого отряда.

Люба, увидев их, подтолкнула Машеньку, которая, как разведчица, всё время шла впереди: — А ну, беги, Маша, обгони ребят!

Маша принуждалась изо всех сил и, первая подбежав к тяжёлой, запертой на огром-

ный висячий замок двери, крикнула на всякий случай:

— Чур-чур, первая!

Почти одновременно с нею у двери оказался Денис Драгунский.

— Ты... чего тут? — с трудом перевода дыхание, подозрительно осведомился он.

— А ты чего?

К счастью, в это время подоспели Боря Голубовский, Рая и Евгения Антоновна. Они объяснили, что хотя шестой отряд достиг цели первым, но спорить не из-за чего, потому что пятый отряд получил такое же письмо, как шестой, только не от Василисы Прекрасной, а от Конька-Горбунка. Евгения Антоновна дала команду построиться и торжественно вручила шестому отряду книгу «Сказка о Василисе Прекрасной», а пятому — «Конёк-Горбунко».

— Вот вам освобождённые пленники Змея Горыныча, — сказала она, — берегите их, это награда за ловкость и смекалку, которые вы проявили в путешествии.

ПРОЩАЛЬНЫЙ КОСТЁР

— А что если устроить лесной карнавал? — предложила Люба.

— Ну, это только девочкам интересно, — буркнул Витя Горохов. — Костюмы там всякие да пляски...

— А вот и нет, а вот и нет! Всем интересно, — засопорила Люба. — Пусть каждый отряд придумает сам что-нибудь необыкновенное о лесе...

Ребята ещё немного поспорили и решили карнавал провести в день закрытия лагеря, в то последнее воскресенье, когда приезжают родители.

Праздник начался сразу после обеда. Программа предстояла грандиозная. Открывалась она карнавальным шествием старших мальчиков, которые торжественно пронесли на вытянутых руках клетку из ивовых прутьев, сделанные Юриком Дыховым. В одной из клеток беззаботно прыгал дрозд, в другой колючим клубком свернулся ёж, в третьей, испуганно прижав уши, жмурился серенький зайчишка, в четвёртой смиренно сидела сорока.

Публика, состоявшая главным образом из приехавших родителей, с выжидательным любопытством разглядывала обитателей клеток.

Это было начало. Один за другим проходили перед зрителями отряды со своими моделями и всевозможными коллекциями. Наконец появились самые маленькие, и мамы с папами ахнули от восхищения: на лагерной площадке вырос девысокий, но живой лес.

Костюмы малышей, сооружённые из листьев папоротника, были действительно великолепны, а выступления ребят понравились ещё больше.

Кот в сапогах с широким папоротниковым «пепром» на шляпе рассказал сказку о самом себе. Стрекоза с папоротниковыми «крылышками», которые вполне натурально вздрагивали у неё за спиной, прочитала басню «Стрекоза и муравей». Два зелёных и мохнатых кузнечика лихо сплясали танец собственного изобретения, и все узнали неразлучных друзей Пашу Соколова и Дениса Драгунского из пятого отряда.

С Денисом, впрочем, произошла маленькая заминка. Его мама, увидев своего сынишку в роли кузнечика, не удержалась и крикнула:

— Тише, тише, Деничек, ушибёшься!

А Денис, на секунду приостановившись, обиженно ответил:

— Пожалуйста, не зови меня Деничком, мама, я уже большой.

И тотчас откликнулся тоненький голос Машеньки Кожиной:

— И я, и я большая, мне доктор позволит с будущего года босиком бегать!

Это короткое нарушение программы карнавала быстро забылось. На площадке вышла Рая.

— «Ритмический танец цветов», исполняют второй, пятый и шестой отряды нашего лагеря, — объявила она.

— Шефы и подшефные, — негромко пояснила кому-то из родителей Евгения Антонова.

Вечером на берегу реки загорелся пионерский костёр. Прощальный костёр! Ребята чуть грустными и всё-таки сияющими глазами провожали взлетающие в поднебесье искры. Дрожащими золотыми точками искры на мгновение замирали в вышине и медленно таяли в тёмном августовском небе.

Боря Голубовский тихо затыкнул:

Кто в дружбу верит горячо,
Кто рядом чувствует плечо...

И тотчас множество голосов подхватило песню.

...А если и споткнёшься вдруг... —

важно выводил своим мальчишеским баском Денис Драгунский.

...То встать ему поможет друг! —

задумчиво поддерживала Машенька Кожина.

Всегда, во всём надёжный друг

Ему протянет руку! —

решительно пропел весь хор.

— Ах, какая у нас была весёлая и хорошая смена!.. — пользуясь паузой, шепнула Инна Любе, обнимая за плечи Танечку Берекинскую, пристроившуюся возле старших девочек.

— Потому что дружная! — вдруг убеждённо и громко сказала Танечка, и все, засмеявшись, дружно ей захопали.

БЕЛЫЙ ГОЛУБЬ

ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА

(Окончание)

Олеся Кравець

Перевод с украинского Анны Кравченко

Рисунки П. Кирпичёва

Точно в полдень

И вот наконец наступил тот день, когда партизаны должны были оставить свои «гнезда».

В густых кустарниках на холмах у деревни Лицзян, на полянах, освещённых солнцем, партизаны ждали приказа своего командира Сина-старшего.

Лицзянский отряд за последние дни увеличился почти втрое: с Сином-старшим и Юнь Янь-пеем из Далёкой Межи, из деревень Саахо и Лицзянсян пришло к Лицзяну много крестьян.

Партизаны группами расположились на траве. Один укладывал в мешок еду, другой набивал мягкой травой туфли, чтобы при переходе не натереть ноги, третий сушил на солнышке пропёртый табак, расстилал на земле жёлтые, отливающие золотом листья. Молодой лицзянский парень Эми, брат Лю, того самого, которого гоминдановцы забрали на базаре в Чо, учил Иин Чин обращаться с винтовкой. Рослая, крепкая, сильная, Иин Чин с уважением смотрела на невысокого худенького паренька. Всё в жизни Иин Чин изменилось с той минуты, когда она взяла в руки оружие. Теперь она стала спокойной, говорила медленно и мало, низкий голос её звучал твёрдо. Батрачка чувствовала себя ответственной и за отряд и за тех, кто остался в Далёкой Меже, училась внимательно, настырчиво.

Син-старший подходил то к одной группе партизан, то к другой, здоровался, расспрашивал, шутил, подбадривал.

— Вас бабушка какая-то спрашивает! — крикнул Сину один из далёкомежанских партизан.

Син-старший оглянулся. На опушке в сиянии утреннего солнца стояли бабушка Гуан и Шао Янь. На гибких коромыслах они держали плетённые корзины. Шао Янь был в своей неизменной широкой растрёпанной шляпе, а бабушка — в стареньком, полинялом тапушане с огромной заплатой на плечах. Подходя к старушке, Син-старший подумал: не первый ли раз в жизни прошла бабушка Гуан на своих слабых, изувеченных бинтованием ногах такой далёкий путь?

— Здравствуйте, бабушка! Ну как, принесли? — спросил Син-старший и заглянул в корзину. В корзинах прикрытые травой лежали связанные попарно новенькие тапочки. — Принесли, Син! — ответила бабушка. — Успели!

Син-старший полторы недели тому назад попросил бабушку Гуан шить для партизанского отряда пятьдесят пар тапочек.

— Пятьдесят пар! — с нескрываемой гордостью проговорила бабушка Гуан. — Столько, сколько просили! Раздать их?

— Ой! Сейчас я обуюсь! — радостно воскликнул Ван Сян-ту. Он тоже был здесь. После того как Чен «зарезал» у Ван Сян-ту землю, крестьянин вступил в партизанский отряд.

Один за другим начали подходить партизаны. Надевая туфли, шитые заботливыми руками, благодарили бабушку Гуан.

Шао Янь сказал:

— Син-старший, бабушка позволила мне идти с вами.

Син положил руку на плечо мальчика:

— Хорошо, Шао, хорошо!

Бабушка Гуан разогнула спину, посмотрела Сину-старшему в глаза:

— Не мужское дело — сидеть в такое время в фанзе, на кане! Где отец, где братья, туда и Шао пойдёт! А я... — на старческих глазах её блеснули слёзы, — я буду ждать... Вы, Син-старший, будьте ему за отца...

Шао Янь опустил ресницы. Нелегко было мальчику разлучаться с бабушкой...

Бабушка Гуан сложила пустые корзины Шао Яня в свои и надела их на коромысла.

Син-старший отошёл, чтобы не мешать бабушке Гуан и Шао Яню прощаться.

Солнце стояло прямо над головой.

Син поднял руку. Пора было выступать в поход. Отряд построился.

— Чжао Та-шу, — спросил командир, — ты готов?

— Готов, товарищ Син-старший!

— Чжао И-шу! — вызвал Син-старший.

— Готов!

— Задание знаете?

— Знаем, товарищ командир!

— Гао, — обратился Син-старший к юноше, — вот твои помощники! Когда выполните задание, возвращайтесь из Далёкой Межи в Ханьпу!

Точно в полдень Син-старший прочитал наказ перед строем партизан. Поднимая на миг голову от бумаги, Син-старший видел лица, исполненные непоколебимой решимости... Он видел: поднимались на борьбу те, кто никогда в своей жизни не знал, что такое быть сытым, никогда не имел собственной земли, поднимались люди, дети которых, ещё не родившись, обречены были на рабство у помещика.

Син читал чётко, неторопливо:

— Иностранцам приглянулись огромные пространства и щедрость богатой китайской земли, трудовая выносливость сынов Китая. Торгаши торговали Китаем, беззастенчиво грабили его и нагло делили награбленное! Они старались натравить брата на брата, детей на отца! Они хотели разделить наш народ и нашу землю и, разделённую, ослабленную, покорить!

Слова наказа звенели в тишине, и казалось, кустарник прислушивается к ним и шепчет листьями и покачивает ветвями, удивлённый и взволнованный.

— Мы поднялись все! Братья. отцы,

Точно в полдень Син-старший прочитал наказ перед строем партизан.

сыновья! Но враг не разрознил нас: все вместе мы выступаем против него! Встал народ!

Богатырь, которого враги хотели усыпить, поднялся и расправил плечи! И вверх тормашками полетели его враги!.. Крестьяне! Рабочие! Только мы сами будем хозяевами на нашей земле! К оружию! На помощь Народно-освободительной армии! Партизаны — боевая её часть, её резерв, её сила!

Командир обвёл взглядом суровые лица бойцов отряда:

— Вперёд! К победе!

Бабушка Гуан одна провожала отряд. Она стояла в стороне, одинокая, старенькая. Син-старший подошёл к ней и обнял, как родную мать:

— До встречи, мама! Спасибо вам за всё! — Он поцеловал её морщинистые тёмные щёки и почувствовал на губах солёный вкус слёз.

Подошёл к бабушке Гуан Ван Сян-ту и попросил:

— Жене и детям передайте: скоро вернёмся!

Братья Чжао низко поклонились бабушке.

— Я, — сказал Чжао Та-шу, — как надену ваши тапочки, так и вспомню сразу наш Лицзян...

Подошла к Гуан Иин Чин с винтовкой за плечами. У Иин Чин не было родных, никого на всей земле. Будто с матерью, прощалась она с Гуан. Обняла её худые, старческие плечи, припала головой к седым волосам. Гуан нежно гладила её по голове, как дочь. И молчаливой лаской своей точно наказывала: помни, Иин Чин, о трудной доле китайской женщины! Борисы, Иин Чин, за лучшую, светлую судьбу свою!

И Иин Чин, поправив на плечах мешок, быстрыми, лёгкими шагами пошла за другими бойцами.

Шао Янь ещё раз подошёл к бабушке Гуан. Он чувствовал себя виноватым перед ней. Он оставлял её одну, совсем одну! Старушка ласкала рукой непокорные густые волосы внука и смеялась вслед тем, кто уже вышел на дорожку.

— Ии, сынок, — нежно проговорила бабушка, — иди быстрее и быстрее возвращайся! Я буду ждать, Шао!

Шао Янь ладонью вытер заплаканное лицо и побежал догонять товарищей...

...Вот уже последний боец покинул поляну, которая долгое время служила отряду надёжным «гнездом».

Двигались цепочкой. Впереди шёл Шао Янь. Он был назначен разведчиком и связистом при командире. За ним шажали бойцы. Издали было похоже на то, что это крестьяне возвращаются с базара. Каждый из бойцов нёс патроны и продукты — рис, пшено. Двое несли большие котлы для варки пищи. Нехоженными дорогами, не выдавая своего присутствия, партизаны должны были выйти на место соединения с другими отрядами уезда. По приказу генерального штаба Армии Син-старший познакомил партизан с планом общего наступления.

За Лицзяном Гао и его помощники, братья Чжао, свернули в сторону. Они шли на выполнение особого задания в деревню Далёкая Межа. Гао вёл за собой отцовского облезлого мула, запряжённого в одноколёсную тележку:

из Далёкой Межи они должны были привезти боеприпасы для отряда.

Если бы можно было в то время посмотреть на уезд с вышины, с птичьего полёта, то видно было бы, что не из одного лишь Лицзяна ниточками потянулись люди. По межам рисовых полей, приминая их свежую зелень, шли крестьяне, ещё недавно бывшие арендаторами, батраками, а теперь ставшие бойцами партизанских отрядов.

Не раз в Китае люди выступали за свои права. Но никогда ещё не были партизанские отряды так крепко, так надёжно связаны с армией народа, никогда ещё в истории Китая партизаны и армия не действовали так сплочённо и слаженно. Они были сейчас двумя руками великого китайского многострадального народа, вставшего, как один человек, на борьбу за свободу и независимость.

В тот день вышло из партизанских «гнезд» четырнадцать отрядов уезда Даньян. Два отряда уже действовали в горах, ведя бои с отступающими частями гоминдановцев.

* * *

В полдень товарищ И Лин должен был выйти из своего «купеческого» дома, чтобы больше никогда не возвращаться туда. Районный партийный руководитель, который до сих пор возглавлял подготовку отрядов и непосредственно был связан со штабом одной из дивизий Народно-освободительной армии, он должен был теперь пробраться к месту встречи отрядов и повести их в бой с гоминдановцами.

В небольшом доме на главной улице Чо было, как и всегда, тихо и спокойно.

Ворота были закрыты. Колыхалась от ветра на дверях дома лёгонькая, шёлковая занавеска с нарисованными на ней цветками лотоса. Белели на стенах купеческого дома приказы местных властей, гоминдановские листовки, обращения к местному населению. Дом купца Го Син-сю был едва ли не единственный в городке Чо, где приказы и обращения гоминдановцев никто не срывал. Здесь можно было прочитать всё, что за последнее время распространяли власти на страх жителям города и ближайших деревень.

Товарищ И Лин, он же богатый купец Го Син-сю, готовился в дорогу. Кончилось далеко не безопасное пребывание под самым носом у врага. Вещей у И Лина было немного. Он положил в мешок полотенце, которое дала И Лину мать, когда он ещё совсем молодым парнем ушёл из дома в партизанский отряд. Аккуратно сложил в мешок две новые тетради, коробочку с красками, тоненькую кисточку. Эту кисточку он берёт как память об академии в партизанском крае, в пещерах Яньяни, где он учился.

При взгляде на эту кисточку И Лину припомнились тот далёкий день, когда он, боец Восьмой армии, студент академии художеств, уходил из Яньяни. Уходил на особое задание. Ему было поручено проникнуть в гоминдановскую армию и вести разъяснительную работу среди солдат Чан Кай-ши. Приказ о новом назначении И Лин получил накануне. День прошёл, как и предшествующие, в работе и учёбе. Голубая утренняя дымка клубилась над землёй. Сколько можно было окинуть

взглядом, до самого горизонта, простираясь зрелые хлеба. Возникали и исчезали серебряные искры: пробивалось сквозь утренний туман солнце, и в лучах его короткими вспышками обозначались наточенные косы косарей, бойцов Восьмой армии...

В полдень водовозы привезли кипяток. У огромной бочки собрались косари. Неожиданно И Лин увидел Мао Цзе-дуна и Чжу Дэ. Они работали в поле наравне со всеми бойцами.

А во второй половине дня И Лин на занятиях в академии слушал лекцию Мао Цзе-дуна. Он смотрел на простое, мужественное и доброе лицо вождя, и чувство непередаваемой радости овладевало им. И Лин глубоко любил Мао, преклонялся перед ним. Он не раз украдкой принимался рисовать его. Ему хотелось передать образ вождя, передать его волю и силу, передать лучистые, ясные глаза Мао, его высокий, открытый лоб, красоту воина.

«Учиться у Союза Советских Социалистических Республик!» — сказал тогда, на лекции, Мао Цзе-дун. И эти слова И Лин унёс с собой, как наказ...

...В марте 1947 года гоминдановцы заняли Яньань. И Лин был в это время в одной из гоминдановских дивизий на крайнем юге Китая. Весть об этом дошла и до И Лина. Но он никак не мог представить себе, что в Яньани хозяйничает враг! В памяти И Лина снова вставали уступчатые галереи улиц Пещерного города. Он вспоминал расположение их, видел вынесенные на улицы лёгкие столики, за которыми усердно училась молодёжь, слышал спокойные слова Мао Цзе-дуна: «Учиться у СССР».

Прошло немного времени, и И Лин получил новое задание: под видом беженца-купца он приехал в Даньян... Днём И Лин играл свою роль, а вечером учился. Он читал Ленина и Сталина, он понимал теперь, что отступление из Яньани было стратегическое, обдуманное, чтобы накопить силы для полного разгрома врага — не бегство это было, а путь к победе! И Лин тоже работал, чтобы подготовить силы к большому наступлению, чтобы победить!

И вот пришёл час наступления! И Лин собирался в путь. Ещё несколько минут, и он покинет эти стены.

Когда всё было собрано, И Лин окинул взглядом комнату, снял со стены небольшую рамку. В неё был вставлен обыкновенный китайский пейзажный рисунок — гора, вершина которой распыляется в синем небе, под горой — зелёные деревья и две фанзы с загнутыми углами крыш. И Лин вынул его и перевернул. С оборотной стороны глянула на И Лина портрет любимого, родного человека. Сталин! И Лин приблизил рисунок к глазам, точно хотел заглянуть в глаза тому, кто так спокойно смотрел с портрета на него, китайского коммуниста, который сейчас вместе со своим народом творит прекрасную историю нового Китая!

Неожиданно во дворе послышались голоса. И Лин насторожился: шёл кто-то чужой! Вот не во-время!

И Лин быстро убрал дорожный мешок под одеяло, которым был застлан кан. В комнату бежала Лянь и прошептала:

— Чиновник идёт!

И Лин спокойно снял с гвоздя длинный шелковый халат, оделся и, достав из кармана красивый слоановой кости портсигар, который должен был свидетельствовать всем, что перед ними настоящий богатый купец, начал разминать пальцами табак американской дорожной сигареты.

— Можем ли мы войти, уважаемый Го Син-сю?

И Лин повернулся к двери и снова превратился в напыщенного, надменного купца, а он уже думал, что больше не будет играть эту роль!

— Кто это? — спросил он и поднял занавеску на дверях. — А, уважаемый Чу Ю! Вы всегда мой желанный гость.

Следом за чиновником вошёл очень высокий человек с маленькими, заплывшими глазками.

И Лин, не понимая, что означает этот визит, попросил гостей сесть и предложил сигареты.

— Мы пришли к вам, — внимательно рассматривая сигарету, проговорил чиновник, — за деньгами... Ха-ха! За обещанной наградой!

Он взглянул на своего спутника, перестал смеяться и сел поудобнее.

И Лин думал: «Если они пришли только вдвоём, то можно успеть выскочить в окно. Но на улице может быть засада. Не стоит рисковать, лучше выяснить, чего они хотят! Нужно быть спокойным. Всё сделано. Теперь уж никакие гоминдановские чиновники ничего не оставят». И Лин взглянул на часы — обе стрелки сошлись на двенадцати. Как раз сейчас отряды оставили партизанские «гнезда».

— За какими деньгами вы пришли? — спокойно спросил И Лин.

— За какими деньгами? — заихикал чиновник. — Сейчас объясню... Вы, уважаемый Го Син-сю, при свидетелях заявили, что добавляете из собственных денег кое-что за голову коммуниста И Лина. — Чиновник снова заихикал. — Вот за этими-то деньгами мы и пришли!

Чиновник лукаво поглядел на И Лина, показал на себя и на своего спутника.

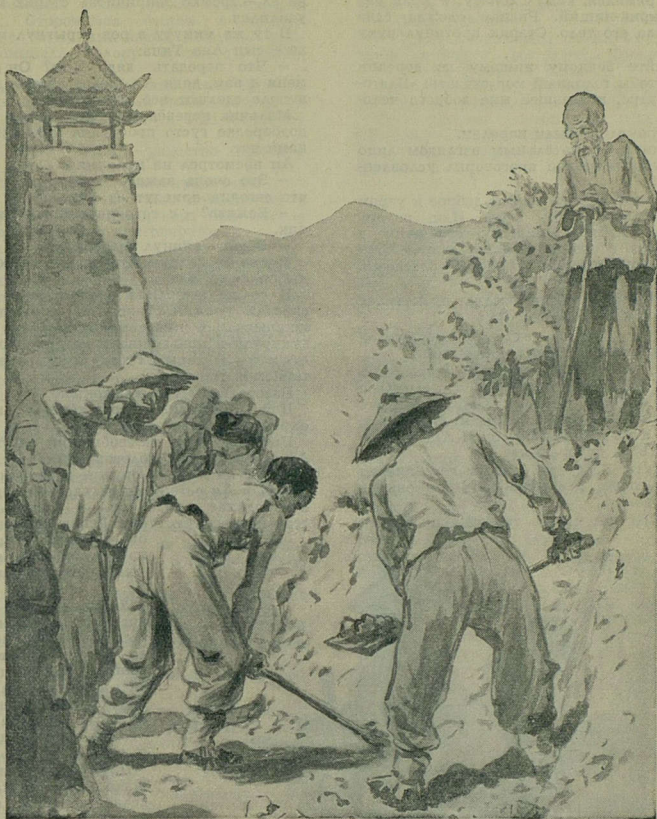
— Дело в том, дорогой Го Син-сю, что нам удалось поймать коммуниста И Лина!

Перед концом

В безоблачном небе не видно было ни тучки. Горячий ветер поднимал в воздух высушенную солнцем свежескопанную землю. Вся деревня была окутана пылью.

Далёкую Межу укрепляли. Солдаты копали окопы у шоссе и дороги и вокруг имения. Согнанные из деревни крестьяне рыли неширокий, в полтора метра глубиной, ров, который должен опоясать имение и вместе с каменной стеной служить линией укрепления.

Гоминдановские войска продолжали отступать. С одной из частей прибыл в Далёкую Межу, в имение своего отца, офицер Ден Фу-бо. По приказу генерала Ту И-со он должен был создать в Далёкой Межу узел сопротивления. Ден Фу-бо начал укрепление деревни со строительства линии обороны.

У края рва стоял старик-нищий. Рваная одежда едва прикрывала его тело.

Паланкинщик Ли и крестьянин Ляо Тин работали рядом. Около них Цзун-Цзунгу и Ла Су, сын одной из работавших тут же крестьянок, сидели на куче земли.

Ляо Тин, не торопясь, отбрасывал лопатой землю.

— Страшно. Что-то будет с нами? — тихо проговорил Ляо Тин.

— Что? — ответила молодая крестьянка. — Коммунисты придут, землю дадут, фанзы дадут, рис раздадут, каждому тапушан, новые тапочки...

Ляо Тин посмотрел на свои босые потрескавшиеся, будто сухая земля, ноги.

— Зачем мне новые тапочки? — покачал он отрицательно головой. — Я век свой босым проходил, так, наверно, до конца жизни будет!

Паланкинщик Ли негромко сказал:

— Смотри, Ляо Тин, не болтай, работай, а то попадёт тебе от солдат.

Ли внешне сохранял полное спокойствие. Но на сердце у него было очень тревожно. Цой ушёл в поля, где оставшиеся батраки спешно убирали урожай. Ли одному приходилось следить за домом ясногодного. К тому же он ждал связного от И Лина. Связной должен был непременно явиться сегодня утром. Но уже давно перевалило за полдень, а связного всё не было.

«Не случилось ли какой беды?» — в тревоге думал Ли.

Неожиданно над деревней пронёсся глухой раскат, будто эхо отдалённого грома. Люди подняли головы.

— Бьют из орудий... — проговорил Ляо Тин.

Ли выпрямился, кинул лопату. У края рва стоял старик-нищий. Рваная одежда едва прикрывала его тело. Старик протянул руку к Ли.

— Подайте бедному нищему из деревни Саа-хо! Чтобы голодный мог сказать: «Благодарю утро, пославшее мне доброго человека!»

Последние слова были паролем.

Ли, окинув внимательным взглядом лицо пришедшего, негромко проговорил условленный ответ:

— Хороший человек творит доброе и утром и вечером, всю жизнь свою! Иди, поешь, отец! — он протянул нищему стоявший в тени горшок с кашей и, когда старик спустился в ров, добавил: — Садись, расскажи, куда идёшь?..

Могучий взрыв потряс воздух, прокатился над равниной и замер вдали.

— Это уже бомбы рвутся... — прошептала побелевшими губами одна из женщин.

— Я иду от И Лиана, — шептал старый нищий, — он просил предупредить, что вышли к вам по известному делу из Ханьпу, сегодня будут в Далёкой Меже. Если можно будет, сегодня в ночь всё выполните! И Лин приказал следить за яснородным!

— Работать! Работать! — вдруг послышался сердитый голос: гоминдановец остановился на краю рва.

— Спасибо тебе, сынок, третий день ничего

не ел, — громко запричитал старик и быстро удалился.

В ту же минуту в ров прыгнул мальчишка — сын Ляо Тина:

— Что передать дяде Цюю? Он прислал меня к вам, дядя Ли. Велел сказать, что они в поле делают всё, что нужно.

Мальчик перевёл дыхание, на его носу, на подбородке густо проступил мелкими росинками пот.

Ли посмотрел на мальчика.

— Это очень важно, — сказал он, — передай, что сегодня приедет из Ханьпу.

— Бежать? — с готовностью спросил мальчик.

— Беги! — кивнул головой Ли.

Мальчик подпрыгнул и на четвереньках выбрался из рва.

В полях, выполняя партизанское задание, спасали урожай. Таясь от гоминдановцев, закапывали в ямы земляные орехи, убирали кукурузу и навьючивали на буйволлов, чтобы отвезти в горы. Табак тоже переправили тайком в горы.

Работали быстро, слаженно.

Цюй расставил вооружённых крестьян охранять рисовые поля.

Цюй ждал теперь сообщений от Ли. Если Ли с товарищами благополучно сдадут партизанам из Ханьпу оружие и боеприпасы, то у Цюя и Ли останется только последнее важное задание — подорвать в нескольких местах крепостную стену Денюв, которая могла бы помочь гоминдановцам превратить имение в очаг сопротивления.

Держа за руку маленького Ла Су, Цзун-Цзунгу вышла из рва, посмотрела вокруг и, сторонкой обойдя часового, направилась к речке. Старый пёс Ягу, спавший на куче выкинутой из рва земли, лениво потянулся, зевнул и пошёл за детьми.

Цзун-Цзунгу не обращала внимания на то, что делается вокруг: ей было радостно от необыкновенного чувства свободы, от того, что никто её не толкает, не бьёт. Приближение Народно-освободительной армии нарушило обычный ход жизни в имении. В суете все забыли о девочке. Впервые Цзун-Цзунгу не работала.

На берегу, куда дети сбежали по едва заметной тропинке, лежала кружевная зеленоватая тень ивы. Сквозь неглубокую воду было видно, как колеблются на дне тонкие длинные водоросли, как серебрятся пузырьки воздуха на позеленевшем от плесени камне.

Цзун-Цзунгу крепко, будто брата, обняла Гао за шею.

У противоположного берега отражалась в воде высокая серая стена помещичьей крепости. Сторожевая башня с тонким шпилем, с загнутыми вверх концами крыши напоминала голову древнего воина-исполина.

Цзун-Цзунгу на мгновение стало грустно. Припомнилось, как ходили они с матерью на речку стирать, припомнились отец и маленький брат.

— Ой, Цзун-Цзунгу! — радостно крикнул Ла Су. — Какой кузнецик!

Через минуту дети ловили кузнецика.

Потом играли: Ла Су был помещиком, а Цзун-Цзунгу — паланкинчиком. Она носила мальчика на руках и приговаривала:

— Вот это — маковое поле, а это рис!

Ягу должен был изображать охрану. Старому псу хотелось поспать, но дети звали его, и Ягу, опустив голову, покорно ходил следом за ними.

Потом играли в батраков. Цзун-Цзунгу строгим, серьёзным голосом учила Ла Су:

— Будь внимательным, когда будешь перебирать рис! Нужно, чтобы ни соринки, ни песчинки в отобранном рисе не было! Понимаешь?

Потом дети просто бегали вдвоём, а старый Ягу догонял их.

Цзун-Цзунгу вновь была ребёнком, шибета-ла, прыгала, маленькая, худенькая. Всё, что происходило в Далёкой Меже, отошло куда-то далеко, чужое, хмурое...

Ни Цзун-Цзунгу, ни Ла Су не слышали даже колокольного звона в деревне, известного крестьян о новом, непредвиденном, негаданном горе!

Неожиданно Ягу зарычал: по дорожке вдоль берега к детям приближались люди.

Цзун-Цзунгу остановилась, затихла. Людей было трое. За ними ехала тележка, запяжённая мулом.

— Хоа, ребята, — добродушно поздоровался тот, кто шёл впереди.

Цзун-Цзунгу посмотрела на него и ахнула: перед ней стоял Гао, сын разносчика Яня, друг её брата Тун Ю! Учёный Гао в своей синей рубашке, в белой безрукавке.

Цзун-Цзунгу так растерялась, что не могла слова сказать, не могла пошевелиться. Не моргая, смотрела она на Гао.

В то же мгновение и Гао узнал девочку:

— Хоа! Это ты, Цзун-Цзунгу?! — вскрикнул он и, быстро наклонившись к девочке, подхватил её, лёгкую, как пёрышко, в свои крепкие руки.

Цзун-Цзунгу увидела близко-близко смуглое славное лицо Гао, ответ солнца в тёмных его зрачках. Гао смотрел на неё пылливо и радостно.

Цзун-Цзунгу крепко, будто брата, обняла Гао за шею.

— Кто эти дети, Гао? — спрашивали товарищи.

— Да вот, — проговорил Гао, опуская девочку на землю, — дочка нашего крестьянина Чжан Го-туна. Продали её сюда. Помещик Чен продал. Вот сейчас она нам и помощик. Поможешь, Цзун-Цзунгу? Беги быстрее и найди Цюа... — Гао прислушался, — в Далёкой Меже звонили колокола. — Что это значит? —

вслух подумал он и повторил: — Беги, Цзун-Цзунгу, к Цюа! Поскорее!

— Дяди Цюа нету...

— Тогда Ли разищи, скажи ему, что мы здесь, на берегу... вот и всё... Только никому другому не говори о нас...

Через мгновение девочка, держа за руку Ла Су, уже поднималась по берегу.

Гао с двумя товарищами должен был уничтожить сооружаемый гоминдановцами узел сопротивления — взорвать крепость Денов.

* * *

Час назад на «чёрном» дворе помещика тревожно загудел колокол. Надтреснутым голосом откликнулся на деревне другой, в который звонили, когда загоралась чья-нибудь фанза, или когда провозжали солдат в армию, или когда староста сообщал крестьянам об увеличении налогов.

Прислушиваясь к тревожному звону, крестьяне спрашивали друг друга, о чём могут оповещать колокола теперь.

Собирались на площади посередине деревни.

Старики, женщины и дети шли прямо с работ, вспотевшие, усталые, и останавливались около столбов, на которых висел колокол. Офицер Ден Фу-бо уже был тут. Глаза всех были устремлены на него. За крестьянами полукругом, держа наготове американские автоматы, выстроились гоминдановцы.

— Односельчане! — негромко начал свою речь Ден Фу-бо. — Вы помогали правительству! Я выражаю вам от его имени благодарность! Должен сказать, дорогие мои односельчане, что наступило ответственное время в жизни нашей деревни... К Далёкой Меже приближаются коммунисты! Наша армия по плану генерального штаба национального правительства ведёт с коммунистами ожесточённые бои. Они будут и здесь! Всех крестьян я призываю к отпору коммунистам! Американцы нам помогают и будут помогать. Односельчане! Вы работали на строительстве линии обороны. Коммунисты вам этого не простят.

Крестьяне слушали молча, слышны были только вздохи.

— Мы предлагаем вам всем уйти в горы! — продолжал Ден Фу-бо. — Солдаты с оружием будут охранять вас.

Ден Фу-бо пристальным взглядом обвёл молчаливые ряды крестьян и закончил:

— Каждого, кто останется в деревне, мы будем считать изменником и будем относиться к нему со всей строгостью военного времени! — Офицер поднял руку в белой перчатке. — Выходить из деревни через полчас! И больше никто без моего особого разрешения не войдёт и не выйдет из Далёкой Межи! Каждого, кого заметят солдаты, они пристрелят на месте!

Когда Цзун-Цзунгу и Ла Су прибежали на площадь, офицер произносил последние слова. Цзун-Цзунгу поднялась на дыпочки, стараясь отыскать Ли. Но его нигде не было видно.

Будто вихрь налетел на толпу: взметнулись вверх руки, посылались полные гнева крики, прокатывал, пауч.

Раздались выстрелы, кто-то упал, метались под ногами дети.

Ден Фу-бо был точен. Через тридцать минут две цепи гоминдановских солдат окружили деревню.

Цзун-Цзунгу металась в толпе. Она увидела паланкинщика только тогда, когда солдаты гнали толпу крестьян мимо усадьбы Дена. Ли стоял у ворот.

— Дядя Ли! — закричала Цзун-Цзунгу. — Дядя Ли!

Девочка бросилась было к нему, но сильные руки одного из солдат схватили её за плечи и швырнули обратно на дорогу.

— Дядя Ли! — отчаянно звала Цзун-Цзунгу. Она не могла уйти, не передав паланкинщику слова Гао. Вся тоска по родному дому, что постепенно пригласла в её сердце, с ещё большей силой разгорелась сейчас вновь. Гао своим появлением, неожиданным и радостным, будто разбудил Цзун-Цзунгу. А его доверие придало ей силу — ведь если верит тебе дорогой человек, ты должна оправдать это доверие.

Цзун-Цзунгу снова рванулась, проскочила под рукой гоминдановца. Тот вскинул винтовку...

Ли, не понимая ещё, что происходит, почему маленькая батрачка так рвётся к нему, но видя, что в следующее мгновение девочка погибнет, бросился к ней.

— Стой, не стреляй! Стой! — кричал он солдату.

Цзун-Цзунгу, плача, подбежала к Ли. Он наклонился, поднял её на руки:

— Там... — едва смогла выговорить Цзун-Цзунгу, — там Гао... на берегу... Из Ханьпу пришёл.

Паланкинщик прижал Цзун-Цзунгу к груди.

— Спасибо, доченька! — проговорил он. — Беги, не бойся! — И объяснил гоминдановцу: — Дочка моя.

Всё дальше и дальше угоняли крестьян от родной деревни. Всё тише доносились до имения крики и плач.

Ден Ши-фу и его сын вышли из дома и, глядя вслед толпе, сопровождаемой конвоем, стояли на пороге.

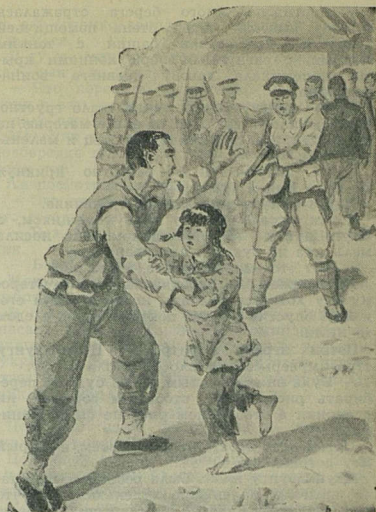
На запылённом мотоцикле, подняв за собой тучу пыли, похожую на дымовую завесу, промчался через деревню к имению вестовой. Бросив машину у ворот удивлённому шофёру офицера, не выключив мотора, вестовой побежал к дому. Мотоцикл чихал, фыркал, как загнанный зверь, покрытое серой пылью его тело вздрагивало. Бледный, запыхавшийся солдат остановился перед офицером и вытащил из-за пазухи пакет.

— Генерал Ту И-со передаёт господину офицеру Ден Фу-бо.

Ден Фу-бо торопливо схватил конверт, надорвал, вынул двумя пальцами листок бумаги. Пробежал глазами наспех написанные иероглифы. Промычал что-то и просмотрел записку ещё раз.

— Что? — спросил Ден Ши-фу.

— Ничего! Можешь ехать, ответа не будет! — отпустил офицер вестового.

Гоминдановец вскинул винтовку...

Тот метнулся к воротам, вскочил на свой мотоцикл и через минуту исчез в облаке пыли.

«Генерал Ту И-со передаёт офицеру Ден Фу-бо, что коммунисты обходят нас с гор. Есть сведения, что в двух местах заняты деревни на шоссе Даньчэн-Чо. Возникла угроза окружения! Держите любой ценой Далёкую Межу. Действуйте по своему усмотрению!» — вслух прочёл офицер. Далее шла приписка по-английски. Мелкими, бисерными буквами Ту И-со сообщал: «В случае чего, свяжитесь в Пекине с Си Цзи-чаном, он сообщит о вас американскому послу Лейтону Стюарту. Речь идёт о новой партии. Задачи партии вам сообщит Си Цзи-чан».

Ден Фу-бо поджал губы; он понял Ту И-со: командующий говорил о тайной организации. Но об этом Ден Фу-бо ещё нужно было подумать. Он не хотел бы в случае победы коммунистов оставаться в Китае: к чему рисковать своей головой? Пусть это делают другие.

...Перед обедом неожиданно приехал помещик Чен. Затем около главных дверей дома остановилась огромная новая телега, запряжённая буйволом, — это помещик Ма Фу-яо приехал советоваться, что делать дальше. Бледный, со впалыми щеками, запыхавшийся он сел рядом с Ченом...

— Что делать? Что делать? — спрашивал он у упорно молчавшего Ден Ши-фу.

После обеда явился помещик из Лицзяньсяна, Цин Яо, а вслед за ним на двухколёсной тележке приехал староста деревни Ханьпу.

Бесчисленное количество противоречий все последние годы разделяла богача Ден Ши-фу

и его соседей-помещиков; бесконечное количество больших и маленьких обид довелось им вытерпеть от него. Каждый из них был бы рад, если бы Ден Ши-фу исчез, сгорел, разорился. Но он был самый богатый из них, они считали его самым умным, и потому сейчас, когда и ему и им приходилось одинаково трудно, он один, думая помещики, может научить, дать совет, спасти.

Офицер Ден Фу-бо шагнул из угла в угол. Карта волости лежала на столе. Офицер старался не смотреть на неё. Перед его глазами стояли слова из письма: «Появилась угроза окружения!... Угроза окружения! Ден Фу-бо припоминал дороги отступления, неудачные попытки отбить стремительное наступление коммунистов, и его бросало в жар.

— Что же,— нарушая молчание, спросил староста,— значит, конец?

Ден Ши-фу показал рукой на сына. Жест его говорил: все вопросы к господину офицеру...

Ден Фу-бо остановился посреди комнаты, засунув одну руку за борт мундира, другой разрубил воздух:

— Нет! Не конец! Никакого конца! Это будет начало! Если не удастся сдержать их, если поступимся ещё и нашей провинцией, тогда нужно будет действовать иначе!

— Куда я поеду из дома? — простонал Чен. — Куда?

— Ехать? Ехать никуда не нужно. Нужно оставаться здесь! И всеми способами действовать! Убивать, жечь — все способы будут хороши! — Ден Фу-бо вспомнил приписку генерала. — Нужно действовать сообразно! И никого не шадить! Уничтожение, истребление, смерти! Если коммунисты победят, мы всё равно будем бороться!

Стук колёс прервал Ден Фу-бо. Во двор въехала и остановилась перед дверями дома крестьянская тележка.

— Кто это? — выглянула в окно Ден Ши-фу. Снизу долетели чьи-то голоса. Ден Ши-фу вскрикнул и, придерживая полы халата, быстро выбежал из комнаты. Помещики и староста удивлённо переглянулись и двинулись вслед.

На тележке среди каких-то узлов восседал всем известный чиновник из города Чо, Чу Ю. Впереди сидел какой-то верзила, с малюсенькими, заплясывшими жиро глазками.

Забгнанная лошадка носила взмыленными боками, пар поднимался над её костлявой спиной.

— Что случилось?! — тонким голосом вскрикнул Цин Яо и вцепился в руку Чу Ю. — Они уже там?

Чу Ю молча сумасшедшими глазами смо-

трел на помещика. Всю жизнь Чу Ю мечтал «выбиться в люди», занять высокий пост, купить землю. Для достижения своей цели он шёл на всё. Чу Ю подписывал фальшивые векселя, брал взятки, спекулировал, врал, крал... Его обвиняли, ловили с поличным, было, что и били, но он, в свою очередь, давал взятки и выходил сухим из воды. Недавно появилась новая возможность сорвать большой куш, для этого надо было выследить коммуниста И Лина.

И вот, когда всё уже было подготовлено, когда Чу Ю, обманув управу, явился к купцу Го Син-сю, чтобы потребовать за И Лина деньги, всё рухнуло! Чу Ю рассчитывал выдать за И Лина другого человека. Но оказалось...

Чу Ю боялся даже припомнить пережитое!

...Го Син-сю принял его вежливо, но холодно, чем обычно. Сдержанно выразил своё удовольствие по поводу поимки И Лина и согласился вечером уплатить спола весь долг.

— Я должен приготовить деньги. Приходите обедать, тогда рассчитаемся спола!

Чу Ю ушёл, а вечером... Вечером он застал на дверях опустевшего дома записку. Дрожащими руками чиновник вынул её сейчас из кармана и протянул Ден Ши-фу:

— Читайте, яснородный!

Помещик взял бумагу:

— «Дорогой Чу Ю, приходится отложить и обед и расчёт. При первой же возможности разоцтёмся спола. Благодарю вас за помощь, оказанную купцу Го Син-сю. До скорой встречи. И Лин».

— Это был И Лин? — прошептал Ден Ши-фу.

— А к вечеру в Чо ворвались передовые танковые части Ба Лу!... — сказал Чу Ю. — Я бежал, — он показал на тележку. — Что я мог захватить с собой?! Что успели увести другие чиновники?!

Чу Ю выбрался из тележки. Увидев мундир Ден Фу-бо, он почувствовал себя бодрее и уже собрался рассказать о том, что делалось в эти дни в Чо, как вдруг послышался однообразный ровный гул. Он становился всё громче, всё отчётливее, нарастал, приближался.

Все замерли, прислушиваясь...

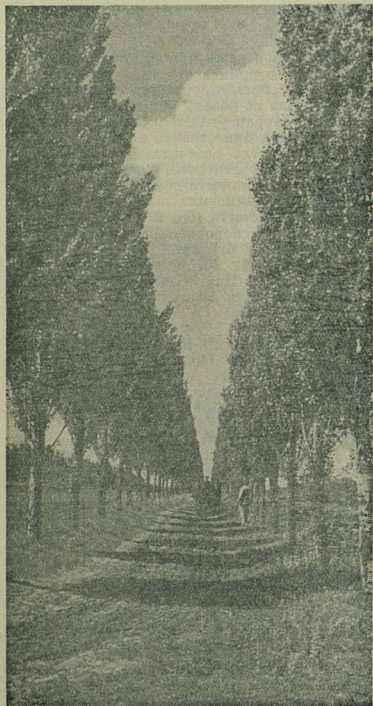
Чётким строем над Далёкой Межой плыли в голубом ясном небе звёзднокрылые самолёты.

В ту же ночь Гао, братья Чжао, Ли и Цой взорвали мощные каменные стены, окружающие имение. Крепость древнего рода Денов больше не существовала.

1 Ба Лу — Восьмая народная армия.

ПИОНЕРЫ—СТРОЙКАМ КОММУНИЗМА

Эта тополевая аллея, тенистая и красивая, выросла за десять лет из маленьких саженцев. Так будут выглядеть посадки нынешних первоклассников к тому времени, когда эти ребята станут сдавать экзамены на аттестат зрелости.

Во всех уголках нашей замечательной страны развёртываются величественные стройки, которые изменят географию Советского Союза, превратят пустыни в цветущие сады, болота — в золотые нивы. Исчезнут с географической карты такие

названия, как Голодная степь, Каменная степь, Красные пески, Чёрные пески.

Советские пионеры и школьники хотят быть участниками этой великой стройки. Они помогают взрослым в их славном труде.

Из Туркмении в редакцию пришло письмо юннатов 22-й школы города Ашхабада. Этих девочек знают сейчас тысячи ребят нашей страны. Это они придумали, как помочь взрослым в озеленении трассы Главного Туркменского канала, который оросит бесплодные пески пустыни Кара-Кум.

Вот что пишут девочки:

«Сейчас, когда мы пишем это письмо, давно отцвели фруктовые деревья и сирень. Распускаются розы, жасмин, шиповник. Все деревья стоят в полном зелёном уборе, а в предгорьях Копет-Дага уже пожелтела трава, опалённая зноем. Горячее солнце, дающее жизнь всему зелёному царству, убивает растения, когда мало влаги. «Вода — мать урожая», — говорит туркменская пословица. А деревья охраняют пески от высыхания, берегут драгоценную влагу. По нашему предложению пионеры и школьники Сталинского района Ашхабада собирают семена и выращивают саженцы для трассы канала. За прошлую осень девочки из нашей школы сдали Министерству лесного хозяйства Туркмении 1 326 килограммов семян, а 250 килограммов оставили, чтобы посеять самим. Теперь на школьном участке в тысячу квадратных метров растут крошечные деревья для будущих садов. Дружно взошли семена урюка, персика и даже дуба, который обычно не растёт в наших местах. Многие девочки устроили маленькие питомники у себя дома и с любовью выхаживают сеянцы для трассы.

Мы ждём не дожждёмся, когда наши деревца переселятся на Главный Туркменский канал».

Почин ашхабадских пионеров подхватили все пионеры и школьники.

* * *

Ученики Ново-Ивановской школы первыми в Кабарде стали выращивать деревья и кустарники для великих строек. Пятнадцать тысяч саженцев осенью этого года уже будут готовы к посадке. Ново-ивановские школьники передадут их на трассы оросительных систем.

* * *

В один из весенних дней несколько тысяч пионеров и школьников Дзауджикау помогли взрослым в посадке зелёного пояса вокруг города. Десятки тысяч двухлетних сосен, саженцев крымской берёзы и красного дуба высадили они.

* * *

На левом берегу Волги вместе со Сталинградской ГЭС строится новый город. У этого города нет ещё имени, но рядом с ним уже зеленеет огромный, в 105 гектаров лесопитомник, в котором взойшли сеянцы дуба и акации, клёна и липы. Семена для этого питомника прислали юннаты и школьники Удельнинской школы Раменского района, Московской области. Ребята прислали строителям

письмо, в котором они обещают вырастить тысячу кустов золотистой смородины, двести кустов татарской жимолости и собрать два килограмма семян сосны, десять килограммов желудей, два килограмма семян яблони и один килограмм липы.

«Не надо ли сделать больше?» — беспокоятся удельнинские школьники и просят строителей дать им особые задания сверх того, что они собираются сделать...

Такие сообщения поступают из самых различных мест нашей Родины. Под Москвой, на Украине, в Заволжье, в Туркмени, в Ленинграде, в Туле и во многих других городах юные пионеры и школьники собирают семена для будущих лесов и зелёных барьеров вдоль гигантских оросительных каналов, прорезающих пустыни, для садов и городов будущего.

Пройдут года, и зашумят могучие дубы зелёным поясом вокруг Дзауджикау, ветки урюка и персика будут смотреться в зеркало вод Туркменского канала, кудрявыми садами украсится новый город на Волге. И глядя на всё это, советские люди с уважением и любовью вспомнят пионеров, верных помощников своих отцов в великих стройках коммунизма.

На Омской станции юных натуралистов и опытников сельского хозяйства ребята любовно выхаживают сеянцы тополя, клёна и вяза. У них семьдесят тысяч молодых деревцев.

Фредерик Жолио-Кюри.

ГРАЖДАНИН ФРАНЦИИ

Для счастья людей

Ноябрьским утром 1950 года к британскому берегу подошёл французский пароход. На борту его находились французы — делегаты Второго Всемирного конгресса сторонников мира.

Пассажиры столпились у сходней, но двое полицейских преградили им дорогу к выходу и предложили спуститься в салон.

Там делегатов конгресса допрашивал инспектор полиции.

— Фамилия, имя, род занятий? — спросил он высокого худощавого человека.

— Фредерик Жолио-Кюри, профессор физики.
— Цель вашего приезда в Англию?
— Я делегат Второго Всемирного конгресса сторонников мира, который должен проходить в Шеффилде.

— Должен поставить вас в известность, — сказал инспектор полиции, — что ваша виза аннулируется. Министерство внутренних дел не считает возможным разрешить вам въезд в Англию.

Чтобы сорвать Второй Всемирный конгресс сторонников мира, премьер-министр Англии Эттли в самый последний момент запретил большинству делегатов конгресса въезд в страну. Это он сделал по приказу своих хозяев — американских империалистов. Среди делегатов, которым не разрешили приехать в Англию, был человек, которого знают народы всех стран, — известный французский учёный, член двенадцати академий мира, председатель Всемирного Совета Мира Фредерик Жолио-Кюри.

* * *

Фредерик Жолио прошёл большой жизненный путь. Он вырос в простой семье. Его отец был рабочим, участником Парижской Коммуны. Отец научил Фредерика самому главному — любить свой народ и честно служить ему.

Фредерика с детства увлекала химия. В ванной комнате он ставил свои первые опыты. «Химия — самое интересное на свете дело, — говорил он. — Я обязательно буду инженером-химиком».

И Жолио стал им. Он окончил высшую школу физики и химии, потом работал инженером на сталелитейном заводе в Люксембурге.

В 1925 году он впервые переступил порог знаменитого Института радия. Руководила институтом Мария Склодовская-Кюри — великий французский учёный.

Хотя с того дня прошло больше чем четверть века, Жолио отчётливо помнит каждую подробность этой незабываемой встречи.

...Мария Кюри сидела на диване. Руки её, затянутые в чёрные перчатки, лежали на коленях. Жолио уже знал об этих руках. Давно, когда люди не умели ещё предохраняться от губительных лучей радия, работая в лаборатории, Мария Кюри обожгла руки. С тех пор она не снимает перчаток, скрывая глубокие, незаживающие раны.

Фредерик Жолио рассказал ей о том, что привело его в Институт.

— Я окончил высшую школу физики и химии и потом работал инженером в мартиновском цехе. Там люди работают, стоя у раскалённых печей по восемнадцать часов в сутки. Половина этих лю-

дей больных туберкулёзом. Они живут впроголодь. Я думал о том, чем смогу облегчить труд людей. И вот приехал к вам. Думая над результатами ваших открытий, я пришёл к выводу, что человек в силах по своей воле расщеплять атомы...

— Мне тоже кажется это возможным, — замечает Мария Кюри. — Рано или поздно мы проникнем в недра атома и высвободим колоссальную энергию, тающую там.

— Я не сомневаюсь: мы добудем её. И, поставленная на службу людям, она облегчит им жизнь, она заменит человека на самых тяжёлых работах, — говорит Фредерик.

Лицо Марии Кюри серьёзно.

— Только неизвестно, — медленно говорит она, — кому попадёт это открытие: есть на земле и такие люди, которые постараются сделать его ужасающим бедствием для человечества...

Она делает паузу и вдруг спрашивает:

— Когда вы собираетесь приступить к работе?

— Сегодня, мадам!

Шли годы. Фредерик Жолио работал в Институте радия. Вместе с ним трудилась его жена, Ирен Кюри — дочь Марии Кюри.

В 1934 году физики всего мира были оповещены о блестящем открытии, которое сделали Фредерик Жолио и Ирен Кюри. Им была открыта искусственная радиоактивность. Сбылась давняя мечта учёных.

Теперь Фредерик и Ирен работали над тем, чтобы научиться добывать атомную энергию в больших количествах. И не только добывать, но и управлять этой энергией, целиком подчинив её воле человека. Сутками не выходили они из лаборатории, ставя опыт за опытом.

В 1939 году под руководством Фредерика Жолио-Кюри был создан первый во Франции проект уранового котла. С помощью уранового котла можно было бы в больших количествах добывать атомную энергию. Фредерик Жолио-Кюри собирался приступить к постройке котла. Но ему помешала война.

Учёный — борец

В июне 1940 года в Париж вошли фашистские войска. Город опустел. Замерла жизнь в Париже. На перекрёстках улиц расхаживали немецкие патрули; в парках, выставив вперёд жерла пушек, застыли танки с чёрными крестами на броне.

Парижские тюрьмы Санта, Фрэн, Роменвиль были переполнены. Фашисты арестовали и старого учителя Фредерика, семидесятилетнего профессора Поля Ланжевена.

В день ареста Ланжевена Фредерик Жолио-Кюри отправился на свою лекцию. Точно в назначенное время он подошёл к зданию Коллеж де Франс. Парадный вход был опечатан. Фашисты решили закрыть старейшее учебное заведение страны. Но в огромной аудитории физико-математического факультета не было ни одного свободного места. Студенты проникли в институт через чёрный ход. Никто из них не хотел пропустить лекцию Фредерика Жолио-Кюри.

Профессор Жолио-Кюри поднялся на кафедру. В аудитории стояла такая тишина, словно она была пуста.

— Друзья мои, — сказал Фредерик Жолио-Кюри, — вот уже много лет с этой кафедры я вёл с вами беседы о физике, и только о физике. Сегодня я считаю необходимым изменить этому правилу. Назначенная на сегодня лекция не состоится. Не состоится также и сообщение профессора Поля Ланжевена. Гордость французской науки Поль Ланжевен схвачен нацистами и брошен в тюрьму Санта...

Жолио-Кюри поднимает руку, и снова затихает возновившийся зал:

— Занятия физикой откладываются на неопределённое время, до того дня, пока французы снова не сделают свою землю свободной. Я обращаюсь к вам, дорогие ученики: теперь не может быть сторонних наблюдателей — кто не сражается за Францию, те с нацистами. К оружию, французы, к оружию!..

Так он вступил в борьбу.

Жолио-Кюри стал активным участником движения Сопротивления, которым руководила славная Коммунистическая партия Франции. Он вошёл в подпольную группу. Эту группу возглавляли Лоран Казанова и Иьер Вийон. Коммунисты помогли Фредерику тщательно спрятать все материалы, касающиеся его работ в области атомной энергии. Основные материалы поместили в подполье одной из камер тюрьмы Риоми. Фашистам и в голову не могло придти, что под самым их носом хранятся такие важные документы.

Лаборатория Жолио-Кюри в Коллеж де Франс превратилась в подпольную фабрику боеприпасов. Каждую ночь под руководством профессора Жолио-Кюри здесь изготавливались бутылки с горючей смесью, гранаты, взрывчатка.

Всю ночь перед зданием института прогуливались фашистские патрули, целый день шныряли шпики. Но кто мог подумать, что в Коллеж де Франс, в этом известном всему миру храме науки, делают оружие?

Мария Кюри в лаборатории у Фредерика Жолио.

Жолио-Кюри сам начинал гранаты, сам принимал участие в перевозке боеприпасов. Товарищи настаивали на том, чтобы он был отстранён от рискованных операций: они берегли жизнь учёного. Но Жолио-Кюри и слушать не хотел об этом. Он первым вызывался на самые опасные дела, и однажды это чуть не стоило ему жизни.

Жолио-Кюри ехал за город на велосипеде. К багажнику он привязал объёмистый чемодан. Чемодан был до отказа набит взрывчаткой. У профессора Жолио-Кюри был легкомысленный вид горожанина, собравшегося на загородную прогулку. Всё шло хорошо, если бы не одно обстоятельство: уезжая из дому, он забыл захватить документы. Это обнаружилось слишком поздно: на перекрёстке двух шоссе дорог, где он стоял, окружённый полицейскими.

— Что в чемодане? — спросил полицейский.

— Постельное бельё, — ответил Жолио-Кюри.

— Проверим, — сказал полицейский и предложил предъявить документы.

Документов не было. Но Жолио сделал вид, что старательно роется в карманах. Он, как мог, оттягивал время. Мозг его лихорадочно работал: «Что делать? Что делать?» Выхода не было. «Конеч», — мелькнуло в мозгу. Нет, не конец! Он придумал! Жолио нагнулся к полицейскому и зашептал ему что-то на ухо. Лицо полицейского расплылось в улыбку, полицейский захохотал.

Не теряя времени, теперь уже громко, чтобы слышали все, Жолио рассказал ещё одну смешную историю, потом третью, четвёртую, пятую.

Полицейские надрылись от смеха, они давно забыли про документы, они слушали его, развесив уши.

На прощание полицейские подарили Жолио

пачку сигарет, и он продолжал путь, не предъявив документов, не открыв чемодана.

Если бы полицейские заглянули в чемодан, Жолио-Кюри был бы расстрелян на месте...

* * *

«Французская коммунистическая партия распущена, и всякая коммунистическая деятельность во Франции запрещена. Всякое лицо, занимающееся коммунистической деятельностью, или коммунистической пропагандой, или тем или иным способом способствующее коммунистической агитации, является врагом Германии. Карой ему будет смертная казнь. Приговор может быть вынесен немецким трибуналом».

Текст этого объявления передавался по радио, он был напечатан во всех газетах, расклеен на каждом перекрёстке. Именно в это время в жизни Жолио-Кюри произошло важное событие. Он подал заявление и был принят в ряды Коммунистической партии Франции. Принимая из рук Лорана Казановы партийный билет, Жолио-Кюри сказал:

— Я вступаю в партию, потому что я патриот. В эти трудные для родины дни я узнал окончательно, что такие коммунисты и что такое коммунизм... Мне было бы стыдно не быть в одних рядах с теми, кто сражается лучше всех.

В 1942 году немецко-фашистские армии были разбиты под Сталинградом. Гром сталинградской победы грозным эхом прокатился по всему миру. Сталинград вдохнул мужество и силы в сердца миллионов простых людей, Сталинград поднял их на борьбу с фашизмом.

И вот настали спокойные, мирные дни, дни без затемнений, без бомбежек, без немецких патрулей, без гестапо. 9 мая 1945 года под ударами Советской Армии рухнул наконец германский фашизм.

...Фредерик Жолио-Кюри вернулся в свою лабораторию. И однажды в его доме собрались старые друзья. Председательствующий за столом объявил, что слово предоставляется хозяину дома Фредерику Жолио-Кюри. Фредерик поднялся с бокалом в руках:

— Друзья, я долго ждал этого часа. Прошло менее чем два месяца с того дня, как окончилась война. У многих из нас огрубели руки: они отвыкли от приборов и привыкли к оружию. Мы стосковались по работе, и много мыслей накопило у нас за эти пять военных лет. Пусть неко-

которые называют меня мечтателем... Пусть. Но трудно жить без мечты, и сегодня я осмелюсь сказать, что ясно вижу завтрашний день человечества — век атома, век невиданной доселе энергии, поставленной на службу людям. Например, во Франции достаточно построить двадцать станций, работающих на атомном горючем, для того чтобы удвоить производство электрической энергии. И самое замечательное, что для питания этих станций в течение целого года хватит одного вагона уранового топлива... Недалеко время, когда тяжёлый труд будет отнимать у человека лишь небольшую часть его жизни... Я поднимаю бокал...

Внезапный шум прервал речь Жолио. Кто-то вбежал в комнату:

— Произошла катастрофа, включите радио! Мешаясь и наполая друг на друга, переплетались обрывки радиопередач. Врывалась и пропадала музыка. Вот оно... Стрелка нащупала волну... Спокойный голос диктора...

«Всем! Всем! Всем! Шестнадцать часов тому назад американский самолёт сбросил на важную японскую базу Хиросима (остров Хонсю) бомбу, которая обладает большей разрушительной силой, чем двадцать тысяч тонн взрывчатых веществ».

Кто-то подходит к приёмнику и выключает его. Слышно, как щёлкает рычажок. Тишина... А Жолио-Кюри всё стоит с бокалом в руках... Он должен что-то сказать, он не смеет сейчас молчать. И он говорит:

— Что же происходит, друзья? Когда мы воевали, когда лучшие из нас отдали жизнь, чтобы другие могли работать и продолжить изыскания, направленные на благо людям... тем временем за океаном... гангстеры... да, да, гангстеры... используя результаты наших исканий, создали смертоносное оружие... Нас обокрали, друзья... Разве для этого мы работали долгие годы, ощупью проникая в недра вещества... Война!.. Война бомбе! Мы будем бороться с ней, не жалея сил, до тех пор, пока она не будет уничтожена. Так велит мне моя совесть, так велит мне мой долг учёного...

Во имя жизни

15 декабря 1948 года в форте Шатильон вступил в строй первый во Франции урановый котёл. Он был разработан и построен под руководством Фредерика Жолио-Кюри.

Усталый, с небритым, осунувшимся лицом, с глазами, красными от бессонных ночей, Жолио-Кюри распахнул двери ангара и вышел на воздух. За его спиной стоял сплошной ровный гул. Урановый котёл действовал. Жолио-Кюри доказал, что атомную энергию можно и должно добывать для мирных целей.

Журналисты окружили профессора. Они наперебой задавали ему вопросы.

— Как вы решили назвать своё детище, профессор? — спросил один из них. — Теперь в моде устрашающие имена.

— Я назвал мой котёл греческим словом «309», — ответил Жолио-Кюри, — что в переводе означает «жизнь». Я работаю для жизни, а не для смерти.

К Жолио-Кюри обратился представитель американской газеты «Нью-Йорк таймс»:

— В результате ваших изысканий возможно создание водородной бомбы?

— Здесь не занимаются подобными проблемами, — отрезал Жолио-Кюри и повернулся к нему спиной.

Жолио-Кюри на демонстрации.

Мир победит войну

В Соединённых Штатах и в Англии, во Франции и в Западной Германии империалисты развернули подготовку к новой войне. Но навстречу им, срывая их планы, по всему земному шару поднялись сторонники мира. Началась борьба за мир. Фредерик Жолио-Кюри тоже вступил в эту борьбу. Его слушали в Париже, в Риме, в Бомбее, в Стокгольме, в Праге. Страстный, горячий призыв великого учёного доходил до сердца каждого честного человека.

В Париже Жолио-Кюри открывал Первый Всемирный конгресс сторонников мира.

В Бомбее на митинге, где выступал Жолио-Кюри, собралось 60 тысяч слушателей.

В Стокгольме в марте 1950 года с трибуны сессии Постоянного комитета сторонников мира он заявил:

— Нам грозят чудовищной бойней во имя интересов кучки людей, вцепившихся в награбленные ими мешки с золотом... Вызов человечеству брошен, и на этот вызов должен быть безотлагательно, теперь же дан ответ...

...Мы требуем безоговорочного запрещения атомного оружия, оружия агрессии и массового истребления народов... Мы будем считать военным преступником то правительство, которое первым использует атомное оружие против какой-либо страны...

И когда в Стокгольме родилось Воззвание о запрещении атомного оружия, первым к листу, на котором был напечатан текст Воззвания, подошёл высокий худощавый человек. Он обмакнул перо и не спеша вывел подпись: Фредерик Жолио-Кюри, председатель Постоянного комитета сторонников мира.

...

«Ни один истинно прогрессивный учёный не отдаст ни частицы своей науки для ведения войны против Советского Союза», — сказал Жолио-Кюри на XII съезде Компартии Франции. Эти слова стали девизом для всех передовых учёных мира.

Американские поджигатели войны решили расправиться с великим учёным. Спустя несколько дней после выступления Жолио на съезде журнал «Ньюс уик», который издаётся в Соединённых Штатах, сообщил, что Жолио-Кюри, по

всей вероятности, будет смещён с поста верховного комиссара по вопросам атомной энергии, поста, который он занимал во Франции.

Двадцать восьмого апреля, закончив свои занятия в Шатильоне, Жолио в машине отправился домой. Был обычный вечер, но улицы казались необыкновенно оживлёнными. До дома оставалось несколько кварталов. Жолио отпустил машину и пошёл пешком.

— Новость! Новость! — кричали газетчики.

Жолио-Кюри почувствовал что-то недоброе и быстрыми шагами направился к мальчику, продающему газеты:

— Ну, какая у тебя там новость?

— Разве тебе не знает? Читайте вот здесь, на первой странице: «Совет министров отстранил Жолио-Кюри от руководства научными изысканиями».

Собственно говоря, он предполагал, что это должно произойти. Он купил газету и продолжал путь. Потом вдруг передумал и повернул обратно. Он остановил такси.

— Шатильон, — сказал Жолио шофёру.

Машина шла теми же улицами, где он ездил сотни раз, торопясь на работу. Мимо тех же домов, площадей, палисадных. Вот и Шатильон. Часовой проверяет пропуск и грустно кивает. В глазах солдата сочувствие. Очевидно, и он уже знает.

Жолио проходил по лабораториям. Всё на своих местах, всё так же, как он оставил, уходя полчаса назад. Но теперь он был тут чужой. Одним росчерком пера отняли у него всё, что он создавал годами. Двери лабораторий захлопнулись перед ним и, может быть, надолго...

«Прощайте», — сказал он неизвестно кому, повернулся и, не оборачиваясь, вышел из форта. Часовой взял под козырёк.

Он пошёл пешком, и опять перед ним расстилались те же знакомые улицы. Люди узнавали его и, расступаясь, давали дорогу. А он шёл и шёл, сунув руки глубоко в карманы пальто, занятый своими думами, не замечая никого. Он думал о своей жизни и о месте учёного в борьбе за мир. Продажные правители Франции отняли у него работу, лабораторию, но веру в великое дело мира, служению которому он себя посвятил, они не в силах отнять. Борьба ещё не кончена. Борьба продолжается.

...

7 апреля газеты сообщили о присуждении Международных Сталинских премий «За укрепление мира между народами».

Первым в списке стояло имя Фредерика Жолио-Кюри, профессора Коллеж де Франс, члена Французской Академии наук.

Д. Храбровицкий

Р Ы Ж И К

Рассказ В. Архангельского

Рисунки Ф. Глебова

Солнце уже поднялось, но по росистой траве было холодно ступать босыми ногами.

Впереди шёл Дима с ведром, оставляя за собой на траве тёмную полосу следов. За ним шагала Галя, размахивая корзинкой, сплетённой из белых ивовых прутьев.

Когда ребята миновали деревню и вдоль межи пошли к лесу, девочка крикнула:

— Смотри, Димка, василёк!

— Как же он уцелел? — удивился Дима и сорвал росший на краю густой ржи цветок. — Семена были чистые, да и положи мы хорошо.

По весне димин отряд, борясь с сорняками, обошёл все поля, а вот всё же василёк остался. Красив он, что и говорить, но нельзя ему рвать на полях колхоза «Путь к коммунизму».

— Больше как будто не видать, — сказал Дима. — Побежали!

Во всей красе стояло погожее лето.

На тропинке буйно разрослись широкие листья подорожника, на меже цвели колокольчики, голубые звёзды цикория, мышиный горошек и золотистой зверобой, ярко белели пятна цветущей ромашки. На опушке леса пестрели цветы Иван-да-

Марья с яркожёлтыми трубочками и тёмнофиолетовыми прицветниками.

В лесу тоже всё цвело и благоухало.

Крупные колокольчики на тонких ножках нежно раскачивали головками. Резные листья папоротника почти сплошь закрывали землю.

— Пойдём в Кривой дол, там наберём грибов! — весело крикнул Дима, продираясь через кусты и осыпая сестрёнку каплями росы.

— Только не убегай, я боюсь одна!

В лесу ни на минуту не замолкал птичий гомон.

Где-то далеко куковала кукушка, высвистывала, будто на флейте, иволга.

— Тип, тип, тип! — сказала пепельно-серая вертишейка с желтоватым горлышком и быстро побежала вверх по осине.

— Пинь, пинь, пинь! — ответил ей зяблик и полетел перед ребятами, чтобы увести их от гнезда.

— Цвинь-ци-вирь! Ци-ци-вю! — заливалась синичка, порхая над непрошенными гостями.

— А вот и беленький грибок! — радостно закричала Галя, осторожно вынимая

Дима легонько придавил зверька палкой. Малыш перевернулся на спину и зарычал.

из земли коренастый гриб с каштановой шляпкой, блестящей от росы.

— А вот и подосиновичек! — отозвался Дима.

Аукаясь и похвываясь, шли ребята по залитому солнцем лесу, пока не пришли в Кривой дол, куда даже летом люди заглядывали редко.

Галя остановилась и замерла: в кустах кто-то зашуршал и тьякнул. Затем из зарослей папоротника показался толстый желтоватый зверь, довольно высокий, с острой лисьей мордой и коротким пушистым хвостом. Зверь посмотрел на девочку зелёными глазами, ощетинился и снова тьякнул.

У Гали замерло сердце от испуга.

А когда вокруг зверя замелькали маленькие зверушки, словно кто их из лукошка высыпал, девочка не выдержала и закричала:

— Ой, Димка, ой! — и бросилась бежать, роняя грибы из корзинки.

— Эй! — крикнул Дима, подбегая. — Чего испугалась?

— Ходит кто-то! Зверь! — с трудом сказала Галя. — Глаза больно страшные, и маленьких много с ним, ну как котята!

— И большой зверь?

— Как собака у деда Семёна.

— Где? — воинственно спросил Дима, выламывая большую сухую жердину.

— Тут вот, на полянке.

— Пошли! Не волк, не задерёт!

Оставив ведро и корзинку, ребята двинулись к полянке. Но зверей там уже не было. Дима поднял руку и остановился, Галя прижалась к нему, чуть дыша.

— Слышишь?

— Да.

В овраге был слышен лёгкий шум и негромкое тьяканье. Ребята побежали туда.

Звери уже перешли через ручей и поднялись цепочкой на противоположный высокий берег. Впереди, поминутно оглядываясь, шла мать, а за ней карабкалась целая дюжина лохматых малышей.

Дима подбежал к последнему, далеко отставшему от остальных зверьку и легонько придавил его палкой. Малыш перевернулся на спину и зарычал.

Большой зверь остановился на миг, подтолкнул мордой детёнышей и перевалил через бугор, увлекая за собой выводок.

— А ты испугалась! — гордо сказал Дима. — Видишь, палка у меня какая боль-

шая, медведь бы испугался! Вот и поймали малыша!

Маленький зверёк занялся палкой Димы и почти не обращал внимания на ребят. Был он похож на щенка с отрубленным хвостом и так же игрив. Он не сопротивлялся, когда Дима накрыл его кепкой и поместил в ведро, грибы из которого переложили в галину корзинку.

Домой ребята мчались изо всех сил, чашто заглядывая в ведро. Зверёк давно уже высунул нос из-под кепки и сидел на дне, поглядывая зелёными глазами.

— Не говори никому, кого мы поймали, — строго наказал Дима. — Пусть подрастёт, я его тогда сам покажу ребятам. А то от них отбою не будет.

— Ладно, — улыбнулась Галя. — Только они всё равно узнают...

Отца и матери дома ещё не было: они косили с бригадой луг за рекой.

Ребята вытащили малыша из ведра и посадили его на пол.

Маленький зверёк ещё не сбросил первую, щенячью шерсть и казался неуклюжим; местами рыжая, местами серая, она была сбита в комки, как на овце, долго гулявшей в релейнике. Вокруг глаз были полосы совсем тёмной шерсти.

Зверёк обнюхал половицы мокрым чёрным носом и робко сделал два шага короткими чёрными ножками. Вдруг он испугался чего-то, шерсть на нём поднялась, серые бакенбарды раздулись, и стал он чуть ли не вдвое больше.

— Ишь, какой страшный! — засмеялся Дима. — А мы не боимся. Принеси-ка ему молока на блюдце.

Малыш обнюхал молоко, облизнулся красным шершавым языком, но пить не стал. Дима ткнул его мордочкой в блюдце. Зверёк громко фыркнул, ещё раз облизнулся и стал лакать молоко.

— Значит, приручился! — радостно крикнул Дима. — А может, он хлеба попробует? — и поднёс малышу румяную корочку.

Зверёк тронул корочку лапкой и, как котёнок, стал, подталкивая её перед собой, бегать по комнате.

— Давай ему дом строить, — предложила Галя. — А потом спросим у отца, как этот малыш называется.

— Давай!

Ребята достали на чердаке большую старую корзину, положили в неё свежей

Зверёк громко фыркнул, ещё раз облизнулся и стал лакать молоко.

травы, посадили в корзину малыша и осторожно отнесли его в сарай.

Весь день они бегали смотреть на своего пленника. Он то спал, свернувшись калачиком и положив мордочку на пушистый хвост, то царапал лапами корзину, порываясь выскочить на волю, и тогда куры, забившиеся в сарай от жары, испуганно кивали головами и кудахтали...

Вечером Дима сказал отцу:

— Пап! Погляди, что за зверя мы с Галкой поймали!

Отец взял малыша на руки, повертел его, оглядел и с той стороны и с этой.

— Не приходилось таких видеть. По статьям барсук, по шерсти словно бы лиса. А щеночек забавный, — заметил отец. — Пусть подрастёт.

Пришла посмотреть на малыша и мама. Но и она не могла сказать, какой зверёк поселился у них в сарае.

После ужина Галя сидела с подружками на зелёной траве у дороги и тайно говорила:

— Что мы с Димкой в лесу нашли!..

— Что?..

— Зверька поймали, да такого интересного, что ни папа, ни мама сказать не могут, как он называется.

— Честное слово?

— С места не сойти!..

— Разболтала, конечно, — строго сказал Дима, выглянув утром в окно: на лужайке сидели все пятнадцать мальчиков и девочек деревни и громко рассуждали о вчерашней находке в лесу.

Галя потупилась и промолчала.

— И ни одного-то секрета доверить тебе нельзя, — со вздохом сказал Дима, выходя на крыльцо.

Минут через пять все ребята лежали на траве, головами к центру круга, где маленький зверёк пил молоко из миски. А когда кто-нибудь из ребят начинал разговаривать слишком громко, малыш топорщил шерсть, становился похож на ежа, поднимал узкую мордочку с чёрным влажным носом и недружелюбно поглядывал зелёными глазами на окружающих его плотным кольцом детей.

Все наперебой задавали вопросы; Дима с достоинством отвечал на них.

Ребята подробно выяснили, как был пойман малыш, как мать зверька, торопясь увести от опасности выводок, не заметила исчезновения одного из детёнышей.

Малыш уселся возле миски и робко тявкнул.

— Он что, лаять будет или как?

— Да кто его знает! Во всяком случае, песни не будет петь!

Все дружно засмеялись.
Подожла бабушка Степанида, которая всегда всем интересовалась.

Приковылял на больных ногах и дед Семён.

— Вот бы учителя спросить, что за зверь? Да нет Андрея Ивановича: каникулы, — сказал дед, с интересом рассматривая малыша. — А прозвали его как-нибудь? Каждому животному имя полагается.

— Нет ещё.

— Вот и прозовите! Лучше бы его собачьим именем назвать. Не овца ведь, не телёнок и не свинья.

Ребята хором стали подыскивать имя для зверька. Долго спорили, пока Дима не сказал:

— Галка первая его увидела, как она скажет, так и назовём!

Девочка подумала и сказала:

— Назовем его Рыжик..

Прошёл июль.

Отцвели липы, в садах поспевали первые яблоки. Большой обоз свёз хлеб на заготовительный пункт, ребята всё чаще и чаще стали заглядывать в книжки: скоро снова надо садиться за парты!

Вырос, вытянулся Рыжик за этот месяц.

Он давно сбросил первый, щенячий мех, и теперь его серовато-жёлтая шерсть лоснилась, как у жеребёнка.

Рыжик привык к Гале, были у него друзья и среди других ребят из колхоза. Но хозяином он считал только Диму, быстро откликался на его зов, послушно ложился у ног, не брал еды из чужих рук без разрешения хозяина.

Димин отряд часто работал на огороде. Рыжик всегда был с ребятами, осторожно расхаживал между рядками, выскивая червей и улиток, а однажды принёс и съел ужа, которого поймал в хворосте у реки. Когда припекало солнце, он забирался в густую ботву свёклы и лежал там, пока ребята не уходили домой.

Лаять он не научился. Но на незнакомых людей огрызался и устрашал их тем, что поднимал шерсть и скалил белые ровные зубы. Всегда стройный, поджарый, Рыжик в такие минуты становился толстым и мохнатым.

Рыжик теперь неохотно выходил из дому в жару, предпочитая днём отлёживаться в тени и гулять по ночам.

Но иногда он бегал с ребятами на речку и, пока они шумно плескались в воде, бродил в камышах и ловил рыбу.

Рыбу он очень любил, и Дима, когда рыбачил на быстрине ниже мельницы, всегда приносил Рыжику пескаря или голавлика.

Ранним утром первого сентября Дима надел новый костюмчик, повязал пионерский галстук и посмотрел на себя в зеркало. Зеркало отразило румяное, загорелое лицо, живые серые глаза, подстриженные машинкой волосы, аккуратный узел галстука.

Сбоку заглядывала в зеркало Галя,правляя воротничок.

— Время! Пошли! — скомандовал Дима, и ребята побежали в школу.

На перемене Дима вышел на площадку поиграть в волейбол; вдруг под ноги к нему подкатился рыжий ком и прыгнул на грудь.

— Рыжик! Ты откуда?

— Смотрите, ребята, что за зверь такой! — закричал кто-то, и скоро вся школа с весёлым любопытством столпилась вокруг Димы и Рыжика.

Вышел на шум и учитель Андрей Иванович.

И вот что рассказал он ребятам.

— Родители этого зверька — большие путешественники. Прежде чем попасть в наши леса, они долго летели на самолёте, ехали в поезде, затем на грузовике и на подводе. Выпустили их на волю в сорока километрах от нашей деревни.

У этих зверей превосходный, дорогой мех. Поэтому и привезли их в наши подмосковные леса. Называется этот зверь уссурийским енотом, или енотовидной собакой. Некоторые называют его еноткой...

Через несколько лет уссурийские еноты расплодятся у нас, и на них можно будет охотиться. А пока ловить их не следует. Есть распоряжение охранять зверя на воле, а пойманного щенка выпускать в лес. Пусть живут, растут, обзаводятся семьёй.

И самое лучшее, Дима, что мы можем сделать, — это отпустить твоего Рыжика, хоть и тяжело тебе, привык ты к нему.

В первое же воскресенье почти вся школа повалила к Кривому долу. Рыжик бежал с ребятами, обнюхивая опавшие листья, грибы, муравьиные кучи, выкапывая какие-то корни. Дима редко водил его в лес, и многие Рыжику было в диковинку.

Шумной ватагой двигались ребята, шурша кустарниками, громко перекликаясь на

разные голоса. Только Дима и Галя не разделяли общего веселья.

— Далеко ли до места? — спросил Андрей Иванович.

— Вот здесь, — показал Дима. — Вон и палка моя ещё цела.

— Ребята! — крикнул учитель. — Попробуйте с Рыжиком и возвращайтесь к опушке, а мы вас скоро догоним.

Дети подходили к Рыжику, говорили ему хорошие слова, жали лапу. А Рыжик не понимал ничего, тыкался носом в ребячьи руки и смотрел вокруг зелёными глазами.

Дима, сдерживая слёзы, накинуд Рыжику лёгкую верёвочку на шею, завязал узлом, а другой конец прикрепил к берёзе.

— Днём он поспит здесь, а ночью перегрызёт верёвочку и пойдёт искать своих, — сказал Андрей Иванович. — Ты, Дима, не огорчайся: мы создадим в школе живой уголок, и будет у нас много новых дел и забот.

Андрей Иванович погладил голову Димы. Галя прижалась к брату и заплакала.

Андрей Иванович, Дима и Галя пожали лапу зеленоглазому зверю и быстро пошли прочь. Но долго им было слышно, как скулил и прыгал под берёзой Рыжик.

На другое утро Дима сбегал перед уроками в Кривой дол — Рыжика не было, у ствола дерева виднелся лишь обрывок верёвки.

— Вот и нет больше у меня Рыжика, — грустно сказал Дима. — Увидимся ли когда-нибудь?..

Недели через две, когда уже понемногу стали забываться огорчения, пастух, дядя Филипп, рассказал Диме, что видел в лесу у опушки двух енотов.

— Весёлые такие, — сказал он. — Бегут да играют, а на шее у одного верёвка. Твой, стало быть...

Путешественник

Е. Стюарт

Когда на севере весной
Теплее солнце глянет,
Вернуться коростель домой
Спешит из Ленкорани.

Он зиму переждал и вот
На родину стремится.
В далёкий край пешком идёт
Диковинная птица!

Гора иль речка на пути —
Он их перелетает
И вновь торопится идти,
Шагает и шагает!

Он слышит гомон птичьих стай —
Они быстрее ветра...
А тут попробуй пошагай
За сотни километров!

Мы спим, а он себе идёт
Всё прямо, без дорожки,
Спешит вперёд, о камни бьёт
Натруженные ножки.

Идёт, не шелохнув травой,
Переборов усталость:
«Домой, домой, скорей домой,
Немного уж осталось!...»

А дома ждёт веселый май,
Цветение черёмух...
Шагай же, маленький, шагай
Скорей к родному дому!

...Коль слышишь ты сухую трель,
Что коростель выводит,
Знай: он за тридевять земель
На родину приходит.

Вот такая антоновка выросла в юннатском саду!

САД НА БЕРЕГУ ЯУЗЫ

Н. Раковская

В селе Старочелны, в Чувашии, высокой густой порослью растёт на школьном участке замечательное растение — многолетняя розь. Нужно только один раз посеять её, а потом можно несколько лет подряд собирать с этого поля урожай. Не мудрено, что в школьный сад поглядеть из чудо-розь часто заходят местные жители.

В Сыктывкаре в плодовом саду школы № 2 созревают на крыжовнике необычайные, совсем чёрные, очень вкусные ягоды. Возле кустов на дощечке написано: «Крыжовник Негус». О таком крыжовнике в этих краях раньше никогда не слыхали.

В Птицграде перед школой высажены неизвестные местным жителям яркие цветы. Они цветут с ранней весны до самой поздней осени.

Откуда же достали птицградские юннаты эти чудесные цветы? Где взяли ребята, живущие в Чувашии и Коми АССР, многолетнюю розь и необыкновенный крыжовник? На все эти вопросы юннаты самых разных школ дадут один и тот же ответ:

«Получили от Центральной станции юннатов, из Москвы!»

...На окраине Москвы, в Сокольниках, на бе-

регу реки Яузы, раскинулся большой сад. Зелёный забор опоясывает участок в пять гектаров. Над забором виднеются ветви яблоневых и грушевых деревьев со зреющими плодами. Далеко разносится тонкий аромат цветов. У ворот синее вывеска: «Центральная станция юных натуралистов и опытников сельского хозяйства».

Широкая дорожка ведёт в глубину сада. Впереди пестреет громадный ковер из крупных пунцовых роз, нежно-розовых, лиловых, белых флоксов и ярких гладиолусов. Слово пёстрые причудливые узоры вытканы на клумбах. По обеим сторонам цветника расположились два громадных зелёных квадрата — это поле и огород. Три тенистых плодовых сада обрамляют цветник и поле. На стволах деревьев, на грядках, на клумбах, точно в образцовом ботаническом саду, висят дощечки с названиями сортов растений. Тут же неподалёку виднеется каменное здание теплицы. Под широкой стеклянной крышей здесь вызревают на молодых деревьях золотистые лимоны, цветут розовые азалии, раскинули свои широкие перистые листья пальмы.

Кому же принадлежит этот чудесный сад? Кто заботливо ухаживает за ним?

— Московские школьники, юннаты, — говорит Вера Александровна Корчагина, бывшая юннатка, а теперь заведующая отделом плодородства Центральной станции. — У каждой грядки, у каждого деревца и клумбы есть свои заботливые хозяева...

Давно, почти тридцать лет назад, сюда, на берег Яузы, пришли первые московские школьники — любители природы — со своими педагогами. Первые юннаты, которые корчевали тут пни, убирали щебень с пустыря, разбивали гряды, сажали первые деревья, давно стали педагогами, агрономами, научными работниками, садоводами. На этой станции выросло несколько поколений юннатов. И сейчас около трёхсот школьников занимаются в кружках Центральной станции. Издалека приезжают сюда, на берег Яузы, школьники и педагоги за саженцами, семенами, черенками и советами. Около семи тысяч писем получает в год Центральная станция со всех концов страны. Добрая слава о ней идёт далеко. Со станции в школьные сады Белоруссии, Казани, Башкирии, Сибири переселяются чудесные плодовые деревья, черенки лучших сортов смородины и крыжовника и много таких растений, с которыми московские юннаты впервые знакомят своих далёких друзей.

Новый сорт Синап северный

Внизу блестит в низких берегах извилистая Яуза. По пригору то и дело пробегают синие вагоны электрички. В молодом яблоневом саду

рядами выстроились деревья с гладкими, будто оптолированными стволами, с густой кроной. С этого сада лучше всего начинать знакомство со станцией. Рождение его, как, впрочем, почти всё на Центральной станции, связано с Иваном Владимировичем Мичуриным.

В 1929 году группа юннатов Центральной станции вместе со своим руководителем С. И. Исаевым впервые побывала в гостях у Мичурина. Ребята вернулись от Ивана Владимировича вдохновлённые его замечательным садом и наказами великого садовода. Они привезли дорогой подарок — корзину превосходных плодов с лучших деревьев Мичурина. Из семечек этих плодов Иван Владимирович велел ребятам развести сад.

В те годы, двадцать лет назад, большинство учёных-садоводов были твёрдо уверены, что культурное плодовое дерево нельзя вырастить из семян. Из семян могут вырасти только дички. Но Иван Владимирович был иного мнения. Многочисленные опыты его показали, что и из семян яблок и груш можно вырастить прекрасные культурные деревья. Правда, тут нужны большая настойчивость и огромное терпение. Из сотен семян иногда только одно деревце удовлетворяло требовательного садовода — преобразователя природы. Зато нередко это деревце становилось родоначальником чудесного сорта.

Вернувшись в Москву, ребята той же осенью посадили семечки плодов в саду. Часть семян не взошла, другие погибли в первую же зиму. В питомнике осталось всего сто девятнадцать сеянцев. Тут были сеянцы мичуринской группы Бере зимняя и сеянцы его любимых яблонь — Бельфлёр-китайки, Антоновки шафранной и Золотой китайки.

Через два года юннатам особенно полюбилась одна яблонька. Она выросла из семечка гибрида Кандиль-китайки, которую вывел Мичурин, опылив морозоустойчивую Китайку пыльцой южной яблони — Кандиль-синапа. Ребята заботливо ухаживали за молодым деревцем, окапывали его, подкармливали. На четвёртый год яблонька зацвела, и осенью на её ветках созрели светлозелёные яблоки, с виду напоминавшие плоды своего прародителя — Кандиль-синапа, — овальные, с блестящей кожурой, но более крупные и сочные. Зато неприхотливостью и морозостойкостью яблонька пошла в свою бабушку — Китайку.

Хорошо бы вывести от этого замечательного дерева новый сорт! Ребята срезали черенки с молодого дерева и прививали их на сеянцы. Так возник на станции яблоневый сад. Ребята роздали черенки другим школам, и во многих садах теперь растут деревца, привитые черенками любимой юннатской яблони. А само деревце-прародитель, выращенное из семечка Кандиль-китай-

Эту Кандиль-китайку юннаты вырастили из семечка.

ки, переселилось на территорию Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Недавно этот сорт принят Государственной сортовой комиссией; он признан одним из лучших для среднерусских садов и назван Синапом северным.

Так юннаты Центральной станции подтвердили одно из великих открытий Мичурина: вывели превосходный сорт из семечка.

Мичуринский заповедник

Дружба Мичурина с юннатами Центральной станции не прекращалась до самой смерти великого садовода.

Не раз бывали ребята в замечательном саду-лаборатории Мичурина. В 1934 году Мичурин подарил юннатам саженцы созданных им небывалых плодовых деревьев и диких растений, которые он давно мечтал «приручить», сделать привычными жителями наших садов.

Так появился на станции второй сад — «заповедник» растений, которые в то время можно было увидеть только в саду великого садовода. Но это не только заповедник, это и лаборатория юннатов. Здесь ребята продолжают многие замечательные опыты Мичурина.

Растёт, например, в заповеднике вишня Полевка. Угадайте, почему Мичурин дал деревцу такое неподходящее название? Ведь вишни сажают не в поле, а в саду.

Но в том-то и дело, что Иван Владимирович вывел выносливую, не боящуюся холодов вишню Полевку для того, чтобы засадить ею овраги и создать на полях густые вишнёвые рощи, задерживающие снег. Передавая вишню Полевку ребятам, Мичурин советовал им заняться этим сортом. И ребята выполнили наказ Мичурина; от них эта вишня перешла во многие школьные сады.

Рядом с вишней Полевкой растут в заповеднике два красивых деревца с пышной кроной. Одно из них зовётся Церападус, у другого ещё нет имени. Вероятно, многим из вас известна история Церападуса. Это гибрид вишни и черёмухи. Странные, невиданные плоды вызревают на дереве: тёмновишнёвые ягоды висят кистями, как у черёмухи. Правда, ягоды Церападуса несъедобны: горькие и терпкие. Мичурин советовал ребятам прививать глазки выносливого, неприхотливого Церападуса к вишням и черешням. Он хотел с помощью Церападуса заставить черешню не бояться морозов и вывести вишню, у которой ягоды росли бы кистями, как на черёмухе.

Что же за деревцо без имени растёт в заповеднике рядом с Церападусом? Это потомок Церападуса и черешни. Прошлым летом деревце впервые зацвело, но не дало плодов. В этом году цветение было обильное. Ребята с нетерпением ждут первых ягод. Может быть, в отличие от ягод Церападуса они будут такие же вкусные, как у черешни? Мичурин мечтал вывести северную черешню, которая вызрела бы в садах Подмосковья. Кто знает, может быть, в заповеднике у юннатов и родится такой сорт черешни!

А вот в углу сада два куста оплели своими ветвями подпорки. Это актинидия. Её привезли Мичурину из Приморья, с Дальнего Востока. У актинидии продолговатые зелёные ягоды, очень нежные и сочные. По вкусу они напоминают ананас и землянику. Размножается актинидия легко, как смородина и виноград, черенками и отводками. Впервые актинидию изучил Мичурин. Он возлагал на неё много надежд, называя её соперницей винограда.

Ребята хорошо изучили природу растения. Они знают, что на одних кустах растут только цветы с пестиками, а на других с тычинками. Поэтому, посылая другим юннатам черенки актинидии, они срезают их

В саду растёт дикое дальневосточное растение лимонник. Плоды его витаминнее лимона.

обязательно с разных кустов и советуют сажать их рядом.

Рядом с актинидией растёт причудливое корявое дерево с толстым стволом и ветвями — Манчжурский бархат. Кора у него светлорыжеватая, будто бархатная. Пористая древесина Манчжурского бархата так и пружинит под рукой. Растёт дерево быстро, хорошо переносит холода и легко размножается черенками.

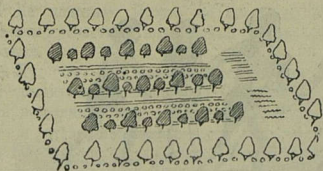
Мичурин хотел, чтобы это дерево заменило жители тропических лесов — пробковое дерево.

В заповеднике много и других ценных растений. Черенки, саженцы и отводки из этого своего заповедного сада ребята раздают посетителям, посылают юннатам других школ. Они хотят, чтобы школьные сады стали рассадниками этих замечательных растений у себя, в своём районе.

Сад — учитель

Часто приезжие юннаты с хорошей завистью оглядывают просторный участок Центральной станции и говорят:

— Какой у вас большой сад, какой огромный участок! А у нас возле школы меньше полгектара земли. Разве тут разведёшь хороший сад?

Для того чтобы помочь школам. Центральная станция вырастила примерный школьный сад.

Сад этот нацеливает с первого взгляда шахматную доску. Четыре ряда яблонь и груш выстроились правильными квадратами. Тут и мичуринские сорта: Кандиль-китайка, Славянка, Бельфлёр-китайка — и лучшие старинные сорта яблонь — Грушовка, Антоновка, Анис, Коричное. Яблони и груши посажены на расстоянии шести метров друг от друга. Между ними растут сливы или вишни, а в междурядьях — кусты смородины и крыжовника, окаймлённые садовой земляникой. Все эти растения посажены так не случайно. Садоводы-мичуринцы доказали, что если яблони и груши сажать дальше друг от друга, они будут развиваться хуже, больше страдать от холода и ветров. Если же сажать их ближе, растениям не хватит питания и света.

Разные деревья развиваются по-разному. Яблони и груши живут около восьмидесяти лет, но взрослеют они медленно. Сливы и вишни — косточковые деревья — развиваются быстрее, зато и стареют в четыре раза скорее. Вот почему между молодыми яблонями и грушами можно сажать сливы и вишни. В молодом саду такая уплотнённая посадка не только не помешает, она поможет деревьям лучше перенести морозы и сильные ветры. Годом к двадцати пяти, когда яблони и груши войдут в полную силу и потребуют больше питания, косточковые деревья одряхлеют, их можно будет убрать из сада. Смородина, крыжовник и клубника несколько не помешают росту плодового сада, зато такой сад скорее обречёт ребят своими плодами. Уже через год после посадки в нём можно будет собрать первый урожай земляники, на следующий год созреют смородина и крыжовник, а за ними — вишни и сливы. Незаметно дождутся ребята первого сбора яблок и груш.

Примерный школьный сад занимает на станции полгектара. Но такая посадка деревьев возможна на любой площади. Если на пришкольном участке немного места, площадь сада можно уменьшить вдвое, даже втрое. Можно даже посадить по этому способу только четыре яблони или груши, две

сливы и вишни, десять кустов крыжовника, смородины и несколько сотен кустов земляники. Такой сад разместится на ста двадцати квадратных метрах. И в таком маленьком саду можно проводить интересные мичуринские опыты.

С путёвкой Мичурина

Ранней весной, как только сойдёт снег, из чёрной влажной земли первыми вылезают дикие морозостойкие луки. В голом саду издалека виднеются на участке мясистые, похожие на лопухи листья ревеня и бадана, ценнейшего дубителя для выделки кож. Эти дикие растения ребята привезли из далёких краёв, куда они ездили в экспедицию. На Центральной станции есть хороший обычай: ежегодно отправляться на разведку новых ценных культур в природе. Юнаты побывали в Казахстане и привезли оттуда кормовые травы и луки. В Таджикистане они нашли дикий виноград, который растёт в горах и переносит жестокие морозы в 22 градуса, на Алтае — морозостойкую дикую смородину, крыжовник, малину, бадан и ревень.

В этом году юнаты снова отправятся на Алтай. Им хочется привезти оттуда маральник. Этот дикий кустарник не боится самых жестоких морозов, а красотой своих цветов соперничает с кавказским рододендром, который украшает южные парки. Нужно привести и морозостойкую смородину Маховку, которая растёт, как клюква, стелаясь ветвями по болотистым местам. Ягоды у Маховки величиной с крыжовник, очень сладкие и богатые витаминами. В прошлую поездку юнатам не удалось собрать зрелые семена маральника и сохранить в пути черенки Маховки. На этот раз они примут все меры, чтобы переселить этих дикарей в свой сад.

Когда участники экспедиции будут бродить по горам Алтая, на Центральной станции уже начнут отбирать лучшие плоды для Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Юнаты Центральной станции засеют клумбы вокруг Навильона юнатов флоксами, гладиолусами, грунтовыми сортами астр, левкоев. На стендах будут лежать снопы ветвистой пшеницы, горы помидоров, выращенных юнатами.

Рядом с Синапом северным, родоначальником нового сорта яблонь, будут высажены прекрасные вишни, кусты смородины и два созданных ребятами сорта чудесной земляники.

А рядом будут красоваться плоды и овощи из лучших пришкольных садов, которым помогли своими советами юнаты Центральной станции.

ИСТОРИЯ ТРЕХ КОМАНД

Н. Александрова

ИГРА НАЧИНАЕТСЯ

В школе разыгрывалось весеннее первенство по баскетболу. Участвовали в нём и старшие девочки, семиклассницы, и ученицы пятых классов, в этом году впервые вышедшие на состязания. Каждый класс выставил свою команду. Но в школе не сомневались, что всех победит команда шестого «В». Вот с каким счётом она сыграла последние игры: 32 : 2, 13 : 0. И даже команду седьмого «В» обыграла со счётом 8 : 1.

И все наперебой говорили о точной и стремительной игре команды шестого «В», о силе и выносливости её игроков. Тамара Стенина, Люся Зелинская, Оля Счастливецца, Света Лавренюк, Рая Литвенчук — ни у одного класса нет такой крепкой пятёрки! Только, пожалуй, ещё у седьмого «В»... Но Валя Темнохут, капитан этой команды и прекрасный игрок, слишком быстро устаёт. Лида Каминская отлично бьёт штрафной, но с бега иной раз и промажет. Муся Елисеева играет хорошо, но слишком резко. Да, хоть и сильная команда у седьмого «В» и, главное, очень дружная, но всё-таки... Все сходилось на том, что победителем будет шестой «В».

Как все и ожидали, в финал вышли две команды — шестого «В» и седьмого «В». Игра была назначена на двенадцать часов дня в воскресенье.

Уже с самого утра на школьном дворе собралось так много ребят, как обычно бывает в будни, перед уроками. Дождавшись назначенной игры, «болеельщики» развлекались — взлетали в воздух мячи, мелькали разноцветные скакалки. Однако, как ни заняты были собравшиеся зрители, они успевали замечать все приготовления к игре. Вот мальчики из соседней школы прита-

щили насос, чтобы хорошенько надуть мяч, вот судья, тоже мальчик из соседней школы, деловито проверил свисток, вот с маленьким чемоданчиком в руках прошла Вера Николаевна Крылова, главный судья соревнований, преподавательница физкультуры.

А вот уже третий раз из школы в переулок выбегает Люся Зелинская. Кого она там высматривает? Тамару Стенину. Тамары до сих пор нет!

До игры остаются считанные минуты. Вера Николаевна даёт последние наставления. Слышно, как по радио громко затикали часы. Сейчас будет двенадцать. Зрители рассаживаются вокруг баскетбольной площадки и, затихнув, настороженно глядят на дверь школы, откуда сейчас выбегут команды. А там... как интересно бывает в эти минуты, последние перед игрой, заглянуть к игрокам! Кажется, команды уже ведут борьбу, нападают, обороняются.

— Правый край, Лида! Держи правый край! Там у них Оля Счастливецца. И не бойся, смело давай пазсы назад...

— Значит, первая замена — Михалушкина. Слышишь, Ада? Вторая — Краснобородинова...

— По-моему, надо идти на прорыв сразу с центра. Как против шестого «В» в прошлый раз.

— Девочки, сегодня мы обязательно должны выиграть, — решительно заключает Валя Темнохут.

И в соседней комнате, там, где готовятся к игре шестиклассницы, тоже звучат эти слова:

— Девочки, сегодня мы непременно должны выиграть.

Но игроки этой команды встревожены: до сих пор нет их капитана — Тамары Стениной.

— Ну, что делать? — волнуется Люся Зелинская. — Ведь сейчас вызовут, а её нет...

— Не понимаю. Просто не понимаю, куда она могла пропасть, — выглядывает в окно Света Лавренюк.

— Ну, что же делать! Будем играть без неё, — решительно говорит Оля Счастливецва. — Пятый поставим Жанну Никитину, а Тамара пойдёт и встанет на замену.

Раздаётся свисток: на поле! Команды выбегают. Капитаны: Валя Темнохут и Люся Зелинская (вместо Тамары Стениной) — разыгрывают мяч и поле. Начинается последняя, финальная игра.

ТАМАРА УХОДИТ ДОМОЙ

— Что сегодня с шестым «В»? — недоумевают «болеельщики».

В самом деле, команду словно подменили. Где её обычная уверенность, решимость, напор? Конечно, Жанна Никитина играет гораздо хуже Стениной. Она не умеет принимать резкие мячи, а Люся и Оля как раз дают мяч резко, чтобы противник не смог перехватить. Но разве из-за одного игрока может так измениться команда?

— Люся, мне!

Это кричит Оля Счастливецва. Она закрыта противником, совсем рядом с ней Валя Темнохут, а в двух шагах — Муся Елисеева. По правилам надо бы пасовать Жанне Никитиной: возле Жанны нет семиклассниц, — но команда не привыкла играть с Жанной, обходит её. И Люся кидает мяч Оле, прямо в гущу противника. К Оле подскакивает ещё и напористая Гейдек. Теперь трое против одного! Лида Каминская тотчас же занимает выгодную позицию под самым щитом — команда седьмого «В» умеет как-то мгновенно распределять на поле места. Валя Темнохут, захватив мяч, кидает его Лиде, Лида передаёт подбежавшей Мусе, и...

— Мяч в сетке!..

— Муся! Лида!.. — восторженно кричат «болеельщики».

Хмуро, не глядя на противника, игроки шестого «В» подходят к центру. Сейчас игра начнётся снова.

В самый разгар игры в школьные ворота быстро вошла Тамара Стенина. Её смуглое лицо заплакано. Как она бежала, чтобы не опоздать, как сердилась на маму, которая ушла, оставив её с братишкой, и задержалась! Как иногда трудно складывается жизнь!

Тамара быстро оглядывает площадку. И вдруг возмущение охватывает девочку. Она опоздала всего на десять минут, а её не подождали! Разве не она капитан команды, разве не она самый лучший игрок, разве не её прозвали «ураганом»?!

Оля Счастливецва, окружённая противником, в это время ожесточённо борется за мяч. а Лю-

Мяч в кольце!

ся Зелинская не может прорваться к ней. Тамара видит это, видит и одинокую, беспомощную Жанну Никитину и Свету Лавренюк, которая мчится сейчас по пятам за Мусей и не может отбить у неё мяч. Тамара видит: вот Муся упорно продвигается вперёд, бросает мяч, вот, чуть качнувшись на ободке, он проскакивает в кольцо... Тамара видит нахмуренные лица своих друзей, слышит приветственный гул:

— Муся!

Но вместо того чтобы скинуть коричневое платье надеть спортивную форму и скорей кинуться на помощь своей команде. Тамара наклоняется к стоящей рядом незнакомой девочке.

— Кто сегодня стоит капитаном в шестом «В»? — спрашивает она.

— Люся Зелинская! — быстро отвечает девочка, не отрывая глаз от площадки. — Вон, видишь, та, пятый номер... Они сегодня выбрали нового капитана.

Тамара вспыхивает. Ах, так! Значит, не только не обождали, но ещё и выбрали нового капитана. Ну, так пусть играют, как хотят!

Девочка, стоявшая рядом, удивлённо оглядывается. Что это? Пришла, спросила, кто капитан, и стремглав убежала. Чудно!

А Тамара бежит, бежит по улице. Она не хочет даже оглянуться, так ей обидно. И только подбегая к дому, Тамара вспоминает о том, что она бросила свою команду в самую тяжёлую минуту. Ведь это финал, последняя игра. Надо вернуться тотчас, немедленно.

Но вопреки этой верной и честной мысли Тамара идёт домой. Только на одну минуту мысль о команде заслонила в её голове самолюбивую мысль о самой себе. Нет, видно, Тамара не была настоящим капитаном.

А на поле, там, где решалась судьба двух команд, в борьбе иссякали силы шестого «В». И не только потому, что не было Тамары.

Стремительен темп баскетбола, особенно в игре с сильным противником, вот в такой, как сегодня; самый лучший игрок не может выдер-

жать его от начала до конца игры. Поэтому в баскетболе принято так: на поле выходят пятеро, но в команде не пять, а десять игроков. Они сменяют друг друга, играют по очереди...

И вот уже третий или четвёртый раз на место Вали Темнохут становились свежие игроки, а Валя отдыхала, чтобы потом вернуться на поле с новыми силами. Вместо Муси уже играла Валя Кравец. И наготове стояло ещё пять игроков седьмого «В», каждый из них готов был заменить и Лиду, и Олю Гейдек, и Шуру Тесенко. Но никто не смелся баскетболистов шестого «В». У них не было замены. Их было только пять — тех, что с первой минуты вышли на поле. И теперь даже неутомимая, выносливая Люся Зелинская играла уже из последних сил.

...Первая половина игры закончилась со счётом 4 : 0 в пользу седьмого «В». Сразу же после перерыва шестой «В» отквитал два мяча. И всё же, когда судья дал последний протяжный свисток, счёт был 6 : 3 в пользу семиклассниц.

Так окончилась финальная игра. Сильная, хорошо тренированная команда шестого «В» проиграла, проиграла вопреки всем предсказаниям.

ПОСЛЕ ФИНАЛА

Два дня не только баскетболисты, весь класс не замечал Тамары Стениной. Два дня никто не здоровался с ней, ни о чём не спрашивал, не звал играть. Тамара жила в своём классе, словно чужая, словно все эти девочки, с которыми она столько лет проучилась вместе, никогда прежде не дружили с ней.

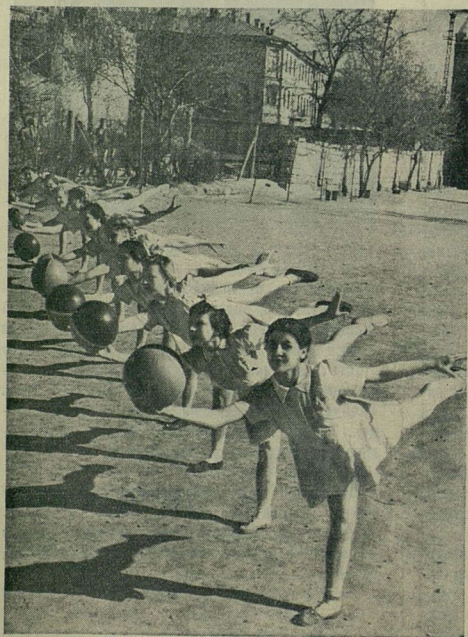
И в этом враждебном и холодном молчании Тамара почувствовала, как дорог ей класс, как страшно потерять всё, о чём она так мало раньше думала, — и улыбку подруг, радостно встречающих её хорошую отметку, и весёлую переменку, и серьёзный разговор о прочитанной книжке, и шумный субботник в школьном дворе, на который её теперь не позвали. И Тамара сказала:

— Девочки, я поступила, как поступают очень нехорошие люди... Простите меня! Больше так никогда не будет!

Это было на том бурном классном собрании, где обсуждался вопрос: «Почему проиграла наша команда».

Почему? Почему Тамара ушла домой, почему вместо десяти игроков в команде было лишь пятеро, почему так часто на поле раздавался возглас «мне»?

Не потому ли, что после первых успехов игроки зазнались, стали слишком самоуверенными? Тамара ушла, потому

Девочки 7-й школы увлекаются не только спортивными играми, но и художественной гимнастикой. На этом снимке вы видите вольные упражнения гимнасток 7-й школы города Одессы.

что считала себя «чемпионом», незаменимой; Оля Счастливец думала, что она лучше других возьмёт трудный мяч, а вся пятёрка считала, что, кроме них, нет ни одной девочки в классе, которую бы стоило взять в команду.

* * *

...Был в школе ещё один класс, который продолжал волноваться после матча. Это был шестой класс «Б», чья команда заняла самое последнее место в розыгрыше. Теперь предстояла товарищеская встреча этой команды с седьмым «В». Так было решено заранее: в день вручения кубка победители играют с командой, занявшей последнее место.

Это был очень торжественный день. В спортивных костюмах плечом к плечу выстроились все игроки, участвовавшие в соревновании. Возглавляла шеренгу команда седьмого «В» — чемпион школы, за ним стояла команда шестого «В», потом — седьмого «Б», а в самом конце, после низенького ровного ряда нятиклассниц, возвышались игроки шестого «Б». И зрители, обжевав глазами длинную шеренгу баскетболистов, неизменно останавливали свой взгляд на шестом «Б». Почему эти девочки оказались последними?

Посреди двора, на столе, покрытом красной скатертью, стоял высокий серебристый кубок — переходящий приз школы по баскетболу. Директор школы Анна Васильевна Алешикина высоко подняла кубок и, поздравив девочек, вручила его капитану Вале Темнохут. Команда прошла почётный круг победителей, в такт шагам неслись аплодисменты.

...Команда шестого «Б» готовилась к игре. Алла Шевченко и Алла Иванова тренировались, выкидая мяч в кольцо. Зрители восхищались их точными движениями и прямыми попаданиями. А ведь это были игроки самой худшей команды!..

— Что вы! — засмеялась девочка, член судейской коллегии, когда кто-то сказал об этом. — Это очень сильные игроки, только у них не хватило мужества.

И пока ещё не началась игра, она рассказала о том, как было «завоевано» последнее место...

...Нет, это вовсе не слабая команда. Больше того: когда началась розыгрыш, она считалась одним из претендентов на первое место. У неё сыгранная, дружная пятёрка. И те, что сейчас

Команда 7-го класса «В», завоевавшая среди баскетбольных команд 7-й школы первое место. Кубок держит капитан команды Валя Темнохут.

на площадке, — Алла Иванова и Алла Шевченко — отличные баскетболистки, они играют в сборной команде школы (а команда эта, в слову сказать, завоевала первенство по баскетболу среди одесских школ).

Первые игры команда провела с блеском: она сыграла «в сухую» с седьмым «А» (6:0) и обыграла команду шестого «А» со счётом 13:2. Но потом потерпела два поражения подряд. Эти поражения и решили всё дело. Первое место было потеряно. Оставалась ещё надежда на второе, в крайнем случае, на третье место. Но у девочек после первого поражения опустились руки. «Теперь уже нечего и играть!» — малодушно решили они и пропустили четыре игры подряд. Это были поражения, которые команда нанесла себе сама: каждая пропущенная игра отнимала у неё по два очка. Даже ничья, даже поражение было бы лучше этого бегства с поля боя. Так, потеряв право на первое место, команда покатилась вниз до самого последнего.

— А вы думаете, команда седьмого «В» никогда не проигрывала? — спросила девочка, рассказавшая эту историю. — Конечно, проигрывала, но никогда не теряла воли к победе.

...Тут девочка торопливо подняла судейский флажок; на поле выбежали команды. С первой минуты между ними завязалась жестокая борьба. Шестой «Б» непрерывно наступал, седьмой «В» отвечал резкими и стремительными прорывами. Игра была красивая, и, по правде сказать, шестой «Б» оказался достойным противником победителя розыгрыша. Встреча окончилась со счётом 7:7 — вничью!

Нет, совсем не случайно из трёх почти одинаково сильных команд одна команда заняла первое место, другая — второе, а третья — самое последнее.

В поле, на речке, в лесу

Охотник-сибиряк, идя по следу зверя, пробирается через таёжный бурелом, сквозь чащу, взбирается на крутые обрывы, прыгает с кочки на кочку, переходит через болота. Все движения охотника точны, ловки, бесшумны. Под его ногой не хрустнет сломанный сушчок, не покатится неловко задетый камень. Где шагом, где бегом, а где и ползком он преодолевает большие расстояния. Жители тайги неуютимы в походе.

Непривычному горожанину трудно ходить по бездорожью. Он неловок, много сил расходует попусту и быстро устаёт. Даже хороший спортсмен-легкоатлет, если он тренируется только на стадионе, не сразу сможет проявить свою силу, выносливость и ловкость в беге и ходьбе по сильно пересечённой местности. Поэтому спортсмены тренируются не только на площадке, но и в лесу, в поле, у реки. Так должны поступать и вы, ребята.

Сначала поучитесь ловко и быстро преодолевать отдельные препятствия, встречающиеся в лесу и в поле.

Вот на прогулке вы увидели пенёк. Не проходите мимо! Попробуйте вспрыгнуть на него с разбега и устоять на ногах. А потом прыгните с него подальше на землю.

Встретился вам невысокий песчаный обрыв у реки, поупражняйтесь в прыжках с края обрыва на мягкий песок вниз; сначала с места, а потом попробуйте с разбега.

Поваленное бурей дерево, канава, ручей — все эти препятствия преодолевайте, прыгая с разбега. Учитесь прыгать с низкого берега на высокий и наоборот.

Больше упражняйтесь в беге на скорость. На спортплощадке вы бегаёте по ровной местности, а в лесу и в поле выбирайте путь труднее. Устройте соревнование в беге наперегонки по такой лесной дорожке, чтобы пришлось два—три раза «нырнуть», а то и проползти под низко нависшими ветвями деревьев. Поиграйте в «пятнашки» на крутом пригорке. Пусть «дом», где нельзя пятнать, будет наверху, а водящий станет внизу — у подошвы пригорка. В такой игре вы научитесь ловко бегать вверх и вниз по склону.

Каждый из вас ходил по бревну для упражнений в равновесии. Положите поперёк ручья два—три брёвнышка различной толщины и поучитесь переходить по ним на другой берег.

Когда вы научитесь уверенно и ловко преодолевать все эти препятствия, устройте кросс по очень пересечённой местности. Пусть кто-нибудь из вас бежит впереди, выбирая самую трудную дорогу, перелезая через препятствия, взбираясь на кручи, проползая через кустарник, прыгая с кочки на кочку и т. п., а остальные ребята следуют за ним.

Охотники должны метко стрелять. И вы развивайте меткость глаза. Метайте в цель и на дальность камешки, шарики из сырой глины, самодельные дротики, гранаты.

Дротик нетрудно изготовить из прямого гибкого прута длиной 110—120 см, толщиной в палец. Толстый конец дротика обмотайте проволокой. Учитесь метать дротик сначала с места, потом с шага, наконец с разбега.

Интересно метать в цель глиняные шарики. Они прилипают к мишени, потому легко установить, кто оказался самым метким.

На берегу реки поупражняйтесь в метании плоских камешков «блинчиками»: чей камешек большее количество раз подпрыгнет над водой?

Многие ребята быстро устают в походах, не умеют ходить равномерно и быстро. Они то слишком ускоряют, то замедляют свои шаги. Научитесь делать 120—130 шагов в минуту. Всегда ходите ровным и широким шагом.

В начале лета устройте соревнование по ходьбе, бегу, прыжкам, метанию дротиков и запишите результаты. Сравнив их потом с теми показателями, которых вы добьётесь к концу лета, вы увидите, что стали сильнее и выносливее, а ваши движения более точны и ловки.

М. Черевков

ЧУДЕСНЫЙ ПОДАРОК

Кто из вас не любит театр, ребята! Большинство любит не только смотреть пьесы, но и ставить их. В самом деле, ведь это очень интересно. А если вы готовитесь к своей роли по-настоящему — не только заучиваете её, а знакомитесь с бытом, эпохой, характером людей, которых изображаете, — то это приносит вам и пользу, расширяет ваш кругозор, развивает наблюдательность, вы обогащаетесь новыми знаниями.

Издательство «Молодая гвардия» выпустило новую хорошую книгу. Она очень пригодится тем из вас, кто хочет ставить пьесы. Называется эта книга «Пионерский театр».

Вы раскрываете её, и словно раздвигаются тяжёлые складки театрального занавеса: перед вами одна за другой развёртываются сцены из любимых пьес, встают знакомые герои.

Вот «Красный галстук» Сергея Михалкова — пьеса о пионерской чести и пионерской дружбе. Вот «Драгоценные зёрна» А. Мусатова — в этой пьесе вы встречаетесь с героями прекрасной повести «Стожары». Вот в пьесе Т. Габбе вырастает перед вами город мастеров, умелых и честных тружеников, добрых и мужественных людей. Богатырь-оружейник Маленький Мартин и весёлый певец Караколь освобождают родной город от жестоких завоевателей для счастливой и свободной жизни. Листаем страницы дальше... Смелый и честный мальчик «Снежок» страдает оттого, что он негр, пасынок своей жестокой родины — Америки... Отважная маленькая Герда ищет по белу свету своего названного брата Кея. Эту сказку вы узнали совсем маленькими, но будете любить её до седых волос...

Много хороших пьес в этой хорошей книге. И, главное, их можно не только читать, но и самим ставить на сцене. Книга для того и выпущена, она потому и называется «Пионерский театр». Во всех включённых в неё пьесах, инсценировках, драматических отрывках сделаны изменения, чтобы вам легче было ставить эти пьесы, к каждой даны советы и разъяснения режиссёров, как играть ту или другую роль.

Если в пьесе встречается песенка, в книге обязательно помещены и ноты к ней. Рисунки и чертежи показывают, как устроить сцену, декорации, освещение. Вы узнаете, например, как создаётся на сцене солнечный день и тёмная ночь, как с помощью жёсткой щётки и натянутого холста воспроизводится свист ветра в бурю, как воспроизвести гром, шум ливня, грохот прибора, пение птиц, стрекот кузнечиков, стук копыт, пыхтение паровоза.

Перед вами откроются секреты грима, позволяющие прямой нос превратить в курносый, маленькие глаза — в большие, худые щёки — в толстые. Вы научитесь делать парики и причёски, маски зверей и накладные носы, поймёте, как из обычного платья, в котором вы ходите каждый день, сделать, например, пышный средневековый костюм. Оказывается, кольчугу богатыря можно смастерить из газеты. А страусовые перья на шляпу мушкетёра — из простой белой бумаги.

В книге есть также маленькие пьесы, предназначенные для кукольного театра, и подробное описание, как делать кукол для этих пьес. Разумеется, не всякие пьесы могут быть поставлены в кукольном театре и в театре теней, в книге вы прочитаете, какие пьесы надо выбирать для этих театров.

Конечно, при постановке любой пьесы, будете ли вы ставить её в кукольном театре или в драмкружке, вам придётся проявить и свою изобретательность, многое придумать самим, изменить, смастерить. Но ведь это как раз и есть самое интересное для «мастеров — умелые руки», для отрядных художников, портних, — словом, для тех, кто готовит спектакль!

Времени много, каникулы — вольная весёлая пора — только что начались, и книга «Пионерский театр» может стать вашим верным помощником в том, чтобы ещё интереснее и веселее провести их.

Е. Рубцова

ПРОЧИТАЙТЕ ЭТИ КНИГИ

Эти книги, ребята, помогут вам устроить весёлый лагерный праздник, провести интересный поход по родному краю, подскажут, чем заняться в плохую погоду.

Книжка Е. Толмачёвой «Как сделать игры и украшения из бумаги» (Детгиз. 1950) научит вас делать украшения и маски для карнавала и постановок, коробки для коллекций, походные шашки, шахматы и домино, игрушки для младших товарищей.

Самые разнообразные игры, аттракционы, занимательные опыты вы найдёте в книге «500 игр и развлечений» (Госкультпросветиздат. 1950).

О том, как выбрать маршрут, на что обратить особое внимание, готовясь к походу, вы можете прочитать в книге В. Добковича и В. Кравцова

«Молодая гвардия». 1948). Вы узнаете, как плыть по течению, как идти через реки и болота.

Страничка из дневника

СОДЕРЖАНИЕ.

Рано утром наш отряд отправился в поход. Через огромный , принадлежащий соседнему колхозу, через мы вышли на . Справа тянулся , слева были видны , перед которыми разстилалась . Скоро мы на него свернули и направились к деревне . Еще в лагере возматый рассказал нам, откуда они происходили, а теперь мы их осмотрели, измерили и зарисовали. На одном из них находился , о назначении которого мы узнали от возматого. Еще около часа пришлось идти открытым местом, а потом — — — увела нас в лес. Скоро мы охутились у ; здесь собрали много интересных растений для гербария и познакомились с , которые находились недалеко. На привал остановились возле , сварили себе завтрак и после отдыха двинулись обратно другой дорогой.

У синих гор. — Повесть Андрея Иванова. Рисунки А. Ливанова и В. Трофимова	1 стр
Самое главное — Рассказ Андрея Шманкевича. Рисунки Ф. Лемкуля	12 "
На лодке по Оке. — Р. Полюковская	17 "
Ваш большой друг.	21 "
Письма М. Горького к детям	23 "
Весёлая смена. — Ольга Зив. Рисунки Евг. Васильева	26 "
Белый голубь. — Главы из романа Олеси Кравецъ (Окончание.) Перевод с украинского А. Кравченко. Рисунки П. Кирпичева	31 "
Рассказы о борцах за мир. Гражданин Франции. — Д. Храбровицкий	42 "
Рыжик. — Рассказ В. Архангельского. Рисунки Ф. Глебова	47 "
Путешественник. — Стихи Е. Стюарт	51 "
Сад на берегу Яузы. — Н. Раковская	52 "
История трёх команд. — Н. Александрова	56 "
Будь готов к труду и обороне. В поле, на речке, в лесу. — М. Черевков. Фото Т. Маят	60 "
В мире книг	62 "
В часы досуга	64 "
Наш календарь	III стр. обложки
Сделай для малышей. — Рисунки В. Косов	IV стр.

Скажите, по каким местам шёл отряд, где ребята останавливались и что осматривали? Чтобы ответить на эти вопросы, вам надо узнать значение всех топографических знаков, которые вы видите на страничке из походного дневника, напечатанной здесь.

И. Чкаников

календарь

ДЕНЬ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ

Радостно и счастливо живут ребята в Советской стране. Наше правительство заботится, чтобы все они могли хорошо учиться, весело отдыхать, расти здоровыми, сильными, смелыми.

Но есть на свете и такие страны, где ребятам рабочих и крестьян живётся очень плохо. Это те страны, где ещё властвуют капиталисты.

В Америке, например, шесть миллионов детей бедняков растут неграмотными. Вместо того чтобы учиться, им приходится работать от зари до зари.

В испанской провинции Каталонии рабочие прядильных фабрик объявили недавно забастовку. Они протестовали против того, что фабриканты нанимают за гроши девятилетних ребят и заменяют ими взрослых рабочих. В Тунисе, Иране, Японии на ткацких и шёлкомотальных фабриках работают шестилетние девочки. На плантациях Африки и Америки детей заставляют работать по десять — двенадцать часов в сутки.

В Индии ежегодно умирает от голода больше миллиона детей, три миллиона детей погибает от болезней.

Огромные средства, на которые можно было бы построить и содержать тысячи школ, детских больниц и санаториев, капиталистические государства тратят на подготовку к войне.

Два года назад в Париже собрались представители женщин всех стран. Они решили каждый год 1 июня проводить «Международный день защиты детей». В этот день трудящиеся всех стран

поднимают голос против войны, за мир. Они требуют запрещения детского труда, охраны жизни и здоровья детей.

ПОЭТ-РЕВОЛЮЦИОНЕР

Несколько столетий томился болгарский народ под властью турок. Болгарские крестьяне трудолюбиво обрабатывали свои поля, но почти весь урожай забирали турецкие помещики. Отряды турецких солдат отнимали у родителей детей и увозили их в рабство в Турцию.

Когда болгары пытались восставать против своих поработителей, турки со страшной жестокостью расправлялись с непокорными. Они сжигали восставшие села и убивали там всех — от стариков до детей.

Но нельзя сломить волю народа к свободе. Болгары уходили в горы и собирались в партизанские отряды. В начале 1876 года несколько таких отрядов соединились и подняли восстание против турок. Вождём повстанцев был великий болгарский поэт-революционер Христо Ботев.

Христо Ботев был сыном сельского учителя. Отец отправил его учиться в Россию. Ботев знал русский язык и с увлечением читал стихи Пушкина, Лермонтова, Некрасова, статьи Белинского, Чернышевского, Добролюбова. Он подружился с участниками революционных кружков и стал убеждённым революционером.

Вернувшись в Болгарию, Ботев отдал все свои силы делу освобождения родного народа. Его пламенные стихи призывали народ к восстанию.

Ботев погиб в бою с турками. Это произошло семьдесят пять лет назад, 1 июня 1876 года. А через два года русская армия освободила болгар от турецкого ига.

ГЕРОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

...По пыльному просёлку шли, понуриив головы, люди в крестьянской одежде. Их окружал вооружённый конвой. Это гнали в Кишинёвскую тюрьму бессарабских крестьян, которые подняли бунт против произвола помещиков.

Дорога свернула в лес. Внезапно из-за дерева вышел высокий широкоплечий юноша.

— Бросай оружие! — громко сказал он конвоирам. — Вы окружены.

Действительно, из-за кустов на солдат были направлены ружья.

Юноша, освободивший арестованных, был Григорий Котовский.

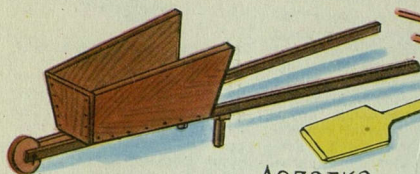
Григорий Иванович Котовский родился семьдесят лет назад, 24 июня 1881 года. С семнадцати лет он стал революционером — защитником трудового народа. Его имя наводило ужас на бессарабских помещиков и жандармов.

Много раз царские жандармы настигали Котовского, но не было тюрьмы, из которой он не сумел бы бежать. Он бежал из железной башни Кишинёвского замка, из подземной камеры городской тюрьмы, из Нерчинской категории. В 1917 году Котовский был приговорён к смертной казни. Его освободила революция.

С первых дней гражданской войны Котовский организовал кавалерийский отряд и боролся с белогвардейцами и интервентами, с кулаками и бандитами. Из маленького партизанского отряда постепенно вырос конный корпус, который под командованием Котовского прославился многими славными победами.

Котовский был ещё совсем молодым, когда пуля врага оборвала его жизнь.

СДЕЛАЙ ДЛЯ МАЛЫШЕЙ

Тачка

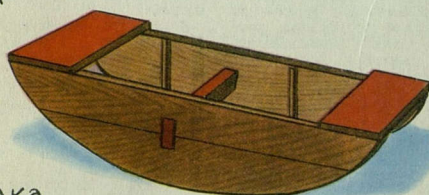
Лопатка

Совок

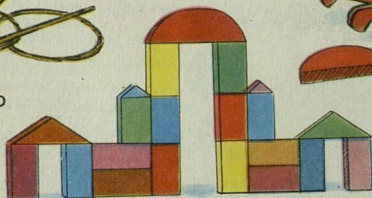
Тележка

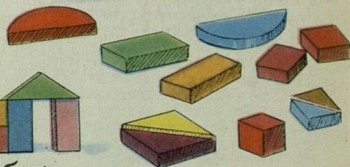
Качалка

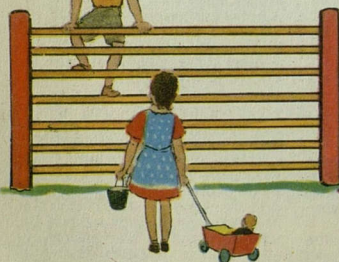
серсо

Строительные кубики

Конь-Качалка

"Стенка"
для лазания

